

Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2020 года и 2021 год по вопросам, связанным с заключением и оформлением соглашения об оказании юридической помощи

Второе полугодие 2020 года

1. Совет объявил адвокату предупреждение за навязывание обвиняемой, вопреки её воле, юридической помощи с использованием личных связей с работниками правоохранительных органов.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 05.08.2020, адвокатом К. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с положениями пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в навязывании ей своей помощи и привлечении Х. в качестве доверителя по Соглашению № ... от 16 февраля 2020 года путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СО УФСБ России по И. области.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства в части доводов жалобы Х.: 1) о передаче ей адвокатом К. экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 16 февраля 2020 года без подписи адвоката К. и 2) в оказании ей адвокатом К. некачественной юридической помощи вопреки ее интересам и работе адвоката К. «на стороне обвинения» - вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., участвовавший в заседании Совета посредством видеоконференц-связи, подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, полностью согласился с выводами, изложенными в нём.

Совет признаёт, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлен факт ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей адвокатом К. перед доверителем Х., выразившийся в навязывании ей своей помощи и привлечении Х. в качестве доверителя по Соглашению № ... от 16 февраля 2020 года путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СО УФСБ России по И. области.

Адвокат К., как в заседании Квалификационной комиссии, так и в заседании Совета, подтвердил, что вступил в уголовное дело в качестве защитника Х. и заключил с ней Соглашение об оказании юридической помощи в связи с приглашением по телефону со стороны ранее ему знакомого заместителя начальника СО УФСБ России по И. области ... Г. Адвокат К. также пояснил, что подобные приглашения от сотрудников указанного выше следственного органа он получал неоднократно и до этого случая.

Квалификационной комиссией вне разумных сомнений установлено, что состоящий в реестре адвокатов города Москвы и осуществляющий профессиональную деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...» адвокат К. около 22.30 час. 15 февраля 2020 года принял звонок от ранее ему знакомого заместителя начальника СО УФСБ России по И. области ... Г., который предложил ему вступить в уголовное дело в качестве защитника по соглашению Х., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Около 23.50 час. этого же дня адвокат К., находившийся поблизости от УФСБ России по И. области, прибыл в указанный следственный орган, где ему была предоставлена возможность провести конфиденциальную беседу наедине с Х., после чего адвокат К. заключил с Х. Соглашение об оказании юридической помощи от 16 февраля 2020 года № ... на ее защиту в стадии предварительного следствия.

Части 1 и 2 ст. 50 УПК РФ определяют, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

По смыслу данной уголовно-процессуальной нормы выбор и приглашение защитника определяется волей подозреваемого или обвиняемого, которая может им проявляться, в том числе, путём дачи конкретного поручения иным лицам о приглашении ему защитника и/или последующим его согласием с участием приглашенного иными лицами адвоката в качестве его защитника.

Из пояснений заявительницы Х., полностью в этой части совпадающих с пояснениями адвоката К., последнего к ней привел заместитель начальника СО УФСБ России по И. области Г. в отсутствие с её стороны какой-либо просьбы и, тем более, соответствующего поручения. При этом Г. отрекомендовал Х. К. как «хорошего адвоката из Москвы».

Сведений о просьбах со стороны Х. к заместителю начальника СО УФСБ России по И. области Г. рекомендовать ей адвоката и способствовать его прибытию к месту производства процессуальных действий в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Заключение адвокатом соглашения с доверителем по инициативе адвоката, тем более, когда такая инициатива обусловлена неформальной просьбой к адвокату со стороны руководителя следственного органа, который сам же и представил и рекомендовал вызванного им адвоката подозреваемому (обвиняемому) в отсутствие просьбы последнего, квалифицируется Советом

как навязывание юридической помощи с использованием личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов.

Факт наличия таких личных связей адвоката К. с сотрудниками следственного отдела УФСБ России по И. области Совет признаёт установленным. Этот факт подтвердил и сам адвокат К., пояснивший, что специально раздал свои визитные карточки сотрудникам УФСБ России по И. области, включая заместителя начальника СО ... Г., и они неоднократно приглашали его для участия в уголовных делах, находящихся в их производстве.

При этом Совет отмечает, что само по себе оставление адвокатом своих визитных карточек сотрудникам следственных подразделений, как способ обмена контактной информацией, не рассматривается в качестве упречного профессионального поведения. Однако, наличие ранее сформированных указанным выше образом личных связей адвоката К. с сотрудниками УФСБ России по И. области в сочетании с отсутствием просьбы заявительницы Х. к этим сотрудникам о помощи в приглашении адвоката для её защиты, свидетельствует об отсутствии её свободного волеизъявления, направленного на самостоятельный выбор адвоката, и его подмену волей заместителя начальника СО УФСБ России по И. области Г. и самого адвоката К. Именно эти действия, а не предшествующее оставление визитных карточек, расцениваются Советом как навязывание своей юридической помощи с использованием связей с сотрудниками УФСБ России по И. области.

В этой связи, установленный материалами дисциплинарного производства факт отказа адвоката К. от получения оплаты, предусмотренной Соглашением, во взаимосвязи с содержанием Акта от 28 февраля 2020 года, подписанного адвокатом К. и доверителем Х., в котором адвокат К., не получивший оплаты, подтвердил своей подписью, что *«стороны ... не имеют друг к другу каких-либо претензий материального и (или) иного характера»*, рассматривается Советом как дополнительное свидетельство вступления адвоката К. в уголовное дело в качестве защитника Х. не в результате её свободного выбора, а в результате навязывания ей адвокатом К. своей юридической помощи.

Совет дополнительно отмечает, что адвокат К., как профессиональный советник по юридическим вопросам, не мог не понимать ситуацию, в которой находилась Х. на момент его появления в ночь с 15 на 16 февраля 2020 года в СО УФСБ России по И. области. Она была задержана несколько часов назад и была лишена возможности предпринять какие-либо действия по выбору адвоката для своей защиты, в том числе и путём обращения к родственникам и (или) знакомым с этой просьбой. При этом следственный орган в ночное время проводил с Х. следственные и иные процессуальные действия, для участия в которых и требовался адвокат - защитник. В такой ситуации и при таких обстоятельствах появления адвоката К. факт заключения им с Х. соглашения, по мнению Совета, не может рассматриваться как результат свободного выбора последней своего защитника.

Действия, направленные на то, чтобы заставить кого-либо принять что-либо, обременить кого-нибудь чем-нибудь против воли, толкуются в русском языке как навязывание¹. Описанная выше ситуация, в которой заявительница Х. оказалась в ночь с 15 на 16 февраля 2020 года, будучи задержанной сотрудниками УФСБ России по И. области по подозрению в совершении особо тяжкого преступления, во взаимосвязи с поведением адвоката К., убеждавшего её, что «главное сейчас заключить с ним Соглашение на защиту» [цитата из жалобы Х. – прим. Совета], не оставляла для неё иного варианта поведения, как согласиться на заключение Соглашения с адвокатом К. при отсутствии реальной возможности иным образом реализовать свою волю по выбору защитника.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан добросовестно, честно, разумно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами».

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его вину в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившемся в навязывании ей своей помощи и привлечении Х. в качестве доверителя путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СО УФСБ России по И. области, установленной.

Соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушений норм

¹ См. напр. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова / Фундаментальная электронная библиотека // URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/14/us231916.htm> (дата обращения 30.09.2020).

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так как эти дисциплинарные обвинения не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный и грубый характер данного нарушения, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом К. основополагающих требований законодательства, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката, об обеспечении реализации конституционного права на защиту, в том числе, путём свободного выбора защитника. Одновременно с этим Совет принимает во внимание, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 2 п. 6 ст. 18 и пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы, решил:

За ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с положениями пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в навязывании ей своей помощи и привлечении Х. в качестве доверителя по Соглашению № ... от 16 февраля 2020 года путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов – СО УФСБ России по И. области, применить к адвокату К. меру дисциплинарного воздействия в виде предупреждения.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Х. от 25 мая 2020 года (вх. № ... от 01.06.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2021год

2. Адвокату объявлено предупреждение за включение в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно

которому в случае отмены поручения доверителем выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются.

Квалификационная комиссия 17 февраля 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом Т. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся во включении в заключенный с доверителем К. договор поручения № ... от 25 апреля 2018 года на оказание юридической помощи пункта 4, согласно которому в случае отмены поручения доверителем и отказа доверителя от помощи адвоката выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель жалобы К. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила и с ним частично не согласна, а именно не согласна с выводами Квалификационной комиссии о недоказанности передачи адвокату Т. гонорара по заключенному соглашению № ... от 25 апреля 2018 года, поскольку в материалы дисциплинарного производства предоставлены документы о получении дочерью К. кредита специально для целей оплаты гонорара.

Адвокат Т. и ее представитель адвокат А. в заседании Совета сообщили, что с Заключением Квалификационной комиссии не согласны в части установленного нарушения по основаниям, изложенным в Возражениях на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 18.03.2021), поданных представителем адвоката Т. - адвокатом А. В указанных Возражениях несогласие с выводом Квалификационной комиссии о допущенном адвокатом Т. нарушении обосновано тем, что адвокат Т. не получала гонорар по соглашению и не удерживала у себя каких-либо денежных сумм, соответственно включение в соглашение пункта 4, согласно которому в случае отмены поручения доверителем и отказа доверителя от помощи адвоката выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются, не привело к фактическому нарушению прав заявительницы. Кроме того, в Возражениях на Заключение Квалификационной комиссии указано на то, что меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату за пределами сроков, установленных ст. 18 КПЭА.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 25 апреля 2018 года адвокат Т. заключила с К. договор поручения № ... на оказание юридической помощи. Согласно п. 2. договора «Доверитель поручает, а Адвокат принимает в качестве правового представителя и поверенного обязательство на оказание юридической помощи при выполнении поручения, содержание которого: представление интересов поверенного в уголовном судопроизводстве (правоохранительных органах) по заявлению Доверителей о признании потерпевшими по факту мошенничества в их отношении и продаже квартиры по адресу: ... ». В соответствии с п. 2.1. Договора «В интересах доверителя адвокат представляет интересы доверителя в правоохранительных органах, подает от имени и в интересах доверителя ходатайства, необходимые по делу, в случае необходимости составляет и подает необходимые запросы в интересах Доверителя». В п. 3.1. Договора указано, что «Доверитель одновременно с подписанием настоящего договора оплачивает Адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере ... рублей (... рублей)». Согласно п. 4. Договора «В случае отмены поручения Доверителем и отказа Доверителя от помощи Адвоката, выплаченные Адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются». В соответствии с п. 5. Договора «В случае увеличения объема выполняемой Адвокатом помощи Доверитель оплачивает дополнительно вознаграждение пропорционально объему необходимой юридической помощи по делу согласно дополнительного соглашения, являющегося неотъемлемой частью настоящего Договора». Согласно п. 10. Договора он считается заключенным и вступает в действие с момента подписания и получения Адвокатом платежа в соответствии с п. 3.1. Договора и действует до полного исполнения Сторонами своих обязательств по Договору. К Договору поручения № ... на оказание юридической помощи от 25 апреля 2018 года приложен подписанный сторонами «План мероприятий», в котором указано: «1. Выяснение хода движения по заявлению потерпевших (Доверителей) в ОМВД ..., иных правоохранительных органах. 2. Составление адвокатских запросов, необходимых по делу, в интересах Доверителей. 3. Иные действия, связанные и направленные на защиту интересов Доверителей».

25 апреля 2018 года адвокат Т. заключила с К. Договор поручения № ... на оказание юридической помощи. Согласно п. 2 Договора «Доверитель поручает, а Адвокат принимает в качестве правового представителя и поверенного обязательство на оказание юридической помощи при выполнении поручения, содержание которого: представление интересов поверенного в гражданском судопроизводстве в ... районном суде города Москвы по иску Б. к Н., К., К. о признании лиц утратившими право пользования жилым помещением, по встречному иску о признании сделки купли-продажи квартиры по адресу: ... недействительной». В соответствии с п. 2.1 Договора «В интересах доверителя адвокат (представитель) представляет интересы доверителя в судебных заседаниях, подает от имени и

в интересах доверителя ходатайства, необходимые по делу, в случае необходимости составляет и подает встречный иск, составляет необходимые по делу запросы и проводит иные процессуальные действия, необходимые для интересов Доверителя». В п. 3.1. Договора указано, что «Доверитель одновременно с подписанием настоящего договора оплачивает Адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере ... рублей (... рублей)». Согласно п. 4. Договора «В случае отмены поручения Доверителем и отказа Доверителя от помощи Адвоката, выплаченные Адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются». В соответствии с п. 5. Договора «В случае увеличения объема выполняемой Адвокатом помощи Доверитель оплачивает дополнительно вознаграждение пропорционально объему необходимой юридической помощи по делу согласно дополнительного соглашения, являющегося неотъемлемой частью настоящего Договора». К Договору поручения на оказание юридической помощи от 25 апреля 2018 года № ... приложен подписанный сторонами «План мероприятий», в котором указано: «1. Составление искового заявления о признании сделки купли-продажи квартиры недействительной. 2. Подача искового заявления. 3. Участие Адвоката в судебных заседаниях. 4. В случае необходимости составление запросов, подача их в соответствующие органы, получение ответов. 5. Составление запросов в ПНД от имени судьи. 6. Обращение в правоохранительные органы и получение необходимой по делу информации».

В материалах дисциплинарного производства имеется справка председателя ... коллегии адвокатов Р. от 29 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021) о том, что в коллегии адвокатов зарегистрирован Договор поручения № ... от 25 апреля 2018 года, заключенный адвокатом Т. с доверителем К., вознаграждение по которому в сумме ... рублей внесено адвокатом в бухгалтерию коллегии. В справке также указано, что иных 4 договоров адвоката Т. с К. в коллегию адвокатов не сдавалось. Однако к указанной справке приложена светокопия Договора поручения от 25 апреля 2018 № ..., заключенного между адвокатом Т. и доверителем К. об оказании ей юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела. Данное обстоятельство, а также единый формат и порядковая очередность регистрационных номеров договоров от 25 апреля 2018 года № ... и № ... дают основание для вывода, что оба эти договора, заключенные адвокатом Т. с доверителем К. на оказание юридической помощи последней, были представлены адвокатом Т. в адвокатское образование по месту осуществления адвокатской деятельности - коллегии адвокатов – для регистрации в документации коллегии адвокатов.

Адвокатом Т. в материалы дисциплинарного производства представлены светокопии документов о переписке с подразделениями прокуратуры и органов внутренних дел по предмету Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи в уголовном судопроизводстве в стадии возбуждения уголовного дела. На светокопиях, представленных

адвокатом Т. документов имеются подписи заявителя К. с текстом: «Подлинник получила».

Рассматривая дисциплинарные обвинения адвоката Т. в том, что она при заключении Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... включила в него п. 4 о том, что в случае отмены поручения доверителем и отказа доверителя от помощи адвоката, выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются, Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В соответствии с п. 15 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. Согласно п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях уже неоднократно отмечали, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см, например, Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва, 2004. С. 18).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с тем, что предметом соглашения на оказание юридической помощи является адвокатская деятельность, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6 (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 22-25, Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 196). Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях также неоднократно указывали, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося

к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к существенным условиям соглашения на оказание юридической помощи относятся также условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь. При этом, согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение на оказание юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей.

Обязанность доверителя оплатить вознаграждение только соразмерно выполненной работе прямо предусмотрена положениями ст. 978 ГК РФ, а соглашение на оказание юридической помощи при осуществлении защиты в 6 суде по своей правовой природе является разновидностью договора поручения.

Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях неоднократно отмечали, что правовая природа заключаемого адвокатом с доверителем соглашения на оказание юридической помощи исключает возможность возникновения у адвоката убытков просто из-за досрочного расторжения соглашения по инициативе доверителя, поскольку адвокатская деятельность не является предпринимательской (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6, (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 19). В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесённого гонорара».

Указанные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в рамках предоставленной ему компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

При указанных обстоятельствах Совет считает, что действия адвоката Т. по включению в Договор поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи К. положений, согласно которым в случае отмены поручения доверителем и отказа доверителя от помощи адвоката, выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются, не соответствуют указанным выше Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Оценивая доводы заявлений адвоката Т. и ее представителя – адвоката А. об истечении сроков применения мер дисциплинарной ответственности, Совет обращает внимание адвоката Т. и ее представителя на то, что в соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения). При рассмотрении дисциплинарного производства установлено, что адвокат Т. 7 заключила с доверителем К. Договор поручения № ... на оказание юридической помощи 25 апреля 2018 года. Как пояснила адвокат Т., до настоящего времени расторжение данного Договора надлежащим образом не оформлено, по вопросам, составляющим предмет Договора, адвокат Т. консультировала доверителя К. в октябре 2020 года. Совет в этой связи полагает, что дефекты соглашения об оказании юридической помощи могли быть устранены адвокатом Т. в период действия соглашения, однако этого не было сделано. Следовательно, установленное нарушение являются длящимися. Жалоба К. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 16 ноября 2020 года. Таким образом, Совет установил отсутствие оснований для прекращения дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также отклоняет как не влияющий на разрешение настоящего дисциплинарного производства довод адвоката Т. и её представителя адвоката

А. о том, что денежные средства К. в действительности не удерживались, поскольку состав дисциплинарного нарушения образует само включение в соглашение об оказании юридической помощи недопустимого условия об удержании гонорара в случае досрочного расторжения соглашения доверителем.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., Совет учитывает умышленный, грубый характер данного нарушения, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Т. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и принятых в пределах их компетенции решений органов адвокатского самоуправления о недопустимости включения в соглашение об оказании юридической помощи условия об удержании неотработанной части внесённого гонорара.

Одновременно с этим Совет учитывает то обстоятельство, что адвокат Т. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах и учитывая, что заявитель К. оставила вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката Т. на усмотрение Совета, Совет полагает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Одновременно Совет соглашается с Квалификационной комиссией о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Т. об отказе выдать К. документы в подтверждение произведенной доверителем оплаты по Договору поручения № ... от 24 апреля 2018 года в сумме ... рублей [с учетом уточнения размера оплаты, сделанного заявителем К. в ее дополнительных письменных пояснениях от 12 февраля 2021 года (вх. № ... от 12.02.2021)] Совет принимает во внимание, что адвокат Т. отрицает факт получения денежных средств от доверителя К. в счет оплаты вознаграждения по Договору поручения № ... от 24 апреля 2018 года. Из содержания справки за подписью председателя коллегии адвокатов Р. № ... от 29 января 2021 года следует, что денежные средства в счет оплаты вознаграждения по указанному Договору на счет коллегии адвокатов не поступали и не вносились в кассу адвокатского образования. Заявитель К. не представила доказательств факта передачи денежных средств адвокату Т. в счет оплаты вознаграждения по Договору поручения № ... от 24 апреля 2018 года. Факт получения дочерью К.

кредита не свидетельствует о передаче полученных кредитных средств именно адвокату Т. При таких обстоятельствах Совет соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Т. в указанной части дисциплинарных обвинений не опровергнута заявителем К., и дисциплинарное производство в этой части дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Т. о ненадлежащем выполнении адвокатом Т. своих обязательств перед доверителем, что выразилось в невыполнении адвокатом Т. предмета Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи: отсутствие возбуждения уголовного дела по факту совершения мошеннических действий в отношении К. и членов ее семьи, отсутствие поданных адвокатом Т. жалоб, ходатайств по предмету Договора, неполучение документов из следственных органов, отсутствие адвокатских запросов, отсутствие документов в подтверждение проделанной адвокатом Т. работы по оказанию юридической помощи, Совет принимает во внимание, что в соответствии с предметом указанного Договора поручения адвокат Т., действуя в качестве «правового представителя» и поверенного доверителя, приняла на себя обязательства на оказание юридической помощи в уголовном судопроизводстве (правоохранительных органах) по заявлению доверителя о признании ее и членов ее семьи потерпевшими по факту совершенного в отношении них мошенничества и продаже квартиры по адресу: ... (п. 2. Договора). Адвокат Т. также приняла на себя обязательства представлять интересы доверителя в правоохранительных органах, подавать от имени и в интересах доверителя ходатайства, необходимые по делу, в случае необходимости составлять и подавать необходимые запросы в интересах Доверителя (п. 2.1. Договора). Обязательства адвоката Т. перед доверителем К. также зафиксированы в Приложении к Договору поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи, поименованном «План мероприятий», в котором указано: «1. Выяснение хода движения по заявлению потерпевших (доверителей) в ОМВД ..., иных 9 правоохранительных органах. 2. Составление адвокатских запросов, необходимых по делу, в интересах Доверителей. 3. Иные действия, связанные и направленные на защиту интересов Доверителей». Совет соглашается с Квалификационной комиссией и считает, что заявителем не конкретизировано, какие именно жалобы, ходатайства и адвокатские запросы по предмету Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи должна была подать, но не подала адвокат Т., какие именно документы ею не получены из следственных органов. Совет также отмечает, что, вопреки сформулированным заявителем К. дисциплинарным обвинениям, адвокат Т. не имеет полномочий по принятию решения о возбуждении уголовного дела по факту совершения мошеннических действий в отношении К. и членов ее семьи. В то же время адвокатом Т. в материалы дисциплинарного производства предоставлены светокопии документов о переписке с

подразделениями прокуратуры и органов внутренних дел по предмету Договора поручения от 25 апреля 2018 года №... на оказание юридической помощи в уголовном судопроизводстве в стадии возбуждения уголовного дела. На светокопиях, представленных адвокатом Т. документов имеются подписи заявителя К. с текстом: «Подлинник получила», что свидетельствует о представлении адвокатом Т. доверителю К. подтверждения проделанной работы по оказанию юридической помощи. Кроме того, Совет исходит из того, что по общему правилу, органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты (работы по делу), избираемой адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно, является независимым профессиональным советником по правовым вопросам в силу п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях неоднократно отмечали, что органы адвокатского самоуправления руководствуются «выработанными критериями, в соответствии с которыми претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности или Кодекса профессиональной этики адвоката. Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Квалификационная комиссия также считает, что самостоятельное и независимое толкование закона является неотъемлемым правом адвоката как независимого 10 советника по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)» (См.: Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2013. Выпуск 1,2,3 (111,112,113). С. 58; 2013. Выпуск 11, 12 (121,122). С. 43 и др.). С учетом изложенного вопрос о том, каким именно образом адвокат Т. должна была исполнять предмет Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи, какие при этом подавать жалобы, заявлять ходатайства, является вопросом тактического характера. При таких обстоятельствах Совет соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу о том, что и в этой части презумпция добросовестности адвоката Т. не опровергнута заявителем К., а дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Т. об одностороннем отказе адвоката Т. от исполнения Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи К. в уголовном судопроизводстве, Совет обращает внимание на позицию заявителя К. о том, что указанный Договор до настоящего времени сторонами не расторгнут. Как пояснила адвокат Т., она оказывала юридическую помощь доверителю К. в виде устных консультаций по вопросу уголовно-процессуальных процедур в октябре 2020 года. Указанные обстоятельства не дают оснований для утверждений об одностороннем отказе адвоката Т. от исполнения Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи К. В связи с этим Совет приходит к выводу о том, что и в данной части презумпция добросовестности адвоката Т. не опровергнута заявителем К., а дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Т. об отказе адвоката Т. оформить расторжение Договора поручения от 25 апреля 2018 года № ... на оказание юридической помощи и возратить доверителю К. оплаченные по договору денежные средства, Совет разъясняет заявителю К., что согласно ч. 1 ст. 977 ГК РФ одним из оснований прекращения договора поручения является отмена поручения доверителем, то есть для прекращения данного вида договора достаточно одностороннего волеизъявления доверителя, и нет необходимости двустороннего оформления расторжения договора. Заявитель К. не лишена возможности при отмене поручения сформулировать требования о размере неотработанного, по ее мнению, адвокатом Т. вознаграждения, сроках и порядке его возврата, а также не лишена возможности защиты своих прав в суде в порядке гражданского судопроизводства в случае возникновения спора по этим вопросам.

Рассматривая дисциплинарные обвинения об отказе адвоката Т. вернуть заявителю К. документы, полученные от нее в целях исполнения Договора поручения № ... на оказание юридической помощи от 25 апреля 2018 года, Совет принимает во внимание, что в заседании Комиссии 17 февраля 2021 года заявитель К. пояснила, что в ходе дисциплинарного производства адвокат Т. возвратила ей все ранее переданные адвокату Т. документы, за исключением двух определений суда, вынесенных по гражданскому делу. С учетом того, что претензии заявителя К. к адвокату Т. 11 по вопросу исполнения (неисполнения) условий Договора поручения № ... от 25 апреля 2018 года на оказание юридической помощи по гражданскому делу не входят в содержание первичной жалобы К. в отношении адвоката Т., а, следовательно, не являются предметом настоящего дисциплинарного производства, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство и в этой части подлежит прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Т.

(регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся во включении в заключенный с доверителем К. Договор поручения № ... от 25 апреля 2018 года на оказание юридической помощи пункта 4, согласно которому в случае отмены поручения доверителем и отказа доверителя от помощи адвоката выплаченные адвокату денежные средства не возвращаются и не компенсируются.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе К. от 13 ноября 2020 года (вх. № ... от 16.11.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Включение в соглашение на защиту по уголовному делу условия о "гонораре успеха" недопустимо и влечёт дисциплинарную ответственность адвоката.

Квалификационная комиссия 31 марта 2021 года вынесла Заключение о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 2 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 02 апреля 2020 года протокол № 12, выразившемся во включении им в Соглашение от 19 сентября 2020 года № ... об оказании юридической помощи Т. в виде защиты по уголовному делу пункта 3.3, содержащего условие о зависимости размера выплаты вознаграждения доверителем от результата оказания адвокатом юридической помощи.

Адвокат Х. в заседании Совета сообщил о своевременном получении Заключения Квалификационной комиссии и своем согласии с ним.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката Х., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, и не отрицается самим адвокатом Х., что им был включён в Соглашение от 19 сентября 2020 года № ..., заключённое с доверителем Т. об оказании юридической помощи последнему по уголовному делу, пункт 3.3, согласно которому «в случае прекращения уголовного преследования Доверителя по любому основанию, Доверитель выплачивает

вознаграждение в размере 150 000 рублей в течение трех рабочих дней с момента совершения соответствующего процессуального действия».

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (п.п. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

В соответствии с п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Согласно п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении [*п. 4.1 введен Федеральным законом от 02 декабря 2019 года № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» – примечание Комиссии*].

Как указано в п. 2 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов (ФПА) РФ от 02 апреля 2020 года, протокол № 12), «положение об обусловленном вознаграждении не может включаться в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу или по делу об административном правонарушении».

Согласно п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката (в редакции, действовавшей на момент заключения адвокатом Х. указанного Соглашения) адвокат вправе включать в соглашение на оказание юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения

ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора имущественного характера.

Совет в своих решениях неоднократно отмечал, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см, например, *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва, 2004. С. 18*).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с тем, что предметом соглашения на оказание юридической помощи является адвокатская деятельность, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6 (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 22-25, Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 196*).

Совет также неоднократно указывал в своих решениях, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (п.п. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Согласно п. 5 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей.

С учетом изложенного, Совет приходит к выводу, что включение адвокатом Х., действовавшим в качестве заместителя управляющего партнера Адвокатского бюро «...», в Соглашение от 19 сентября 2020 года № 19-09/20 с доверителем Т. (об оказании юридической помощи последнему по уголовному делу) пункта 3.3 о том, что «в случае прекращения уголовного преследования Доверителя по любому основанию, Доверитель выплачивает вознаграждение в размере 150 000 рублей в течение трех рабочих дней с момента совершения соответствующего процессуального действия», – является нарушением п.п. 4 п. 1 ст. 7 п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 2 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 02 апреля 2020 года, протокол № 12.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Х. за допущенное нарушение, Совет учитывает его грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом требований профессиональной этики. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат Х. нарушение признал, допустила его впервые, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы (без участия в голосовании В.Н. Рябцева и А.В. Сучкова) применить к адвокату Х. (регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений п.п. 4 п. 1 ст. 7 п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 2 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 02 апреля 2020 года, протокол № 12, выразившееся во включении им в Соглашение № ... от 19 сентября 2020 года об оказании юридической помощи Т. в виде защиты по уголовному делу пункта 3.3, содержащего условие о зависимости размера выплаты вознаграждения доверителем от результата оказания адвокатом юридической помощи.

4. Заключение адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в виде защиты по уголовному делу на один день и на участие в

определённых процессуальных действиях недопустимо и влечёт дисциплинарную ответственность адвоката.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года адвокатом К. нарушены взаимосвязанные положения пп. 4 п. 1 ст. 7 и пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы № 6 от 30 мая 2013 года по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 30 мая 2013 года, что выразилось в заключении им 19 августа 2020 года с доверителем Л. договора об оказании юридической помощи без номера, предусматривающего участие в качестве защитника обвиняемого Л. по уголовному делу, находящемуся в производстве С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, только на один день «при допросе его в качестве подозреваемого и проведении очной ставки, обвинения и допросе обвиняемого, выезд на м/п», участия адвоката К. 19 августа 2020 года в допросе Л. в качестве подозреваемого, в предъявлении ему обвинения, допросе Л. в качестве обвиняемого, очной ставке между обвиняемым Л. и потерпевшей К., проверке показаний обвиняемого Л. на месте, избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и в устранении от осуществления дальнейшей защиты Л.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился, согласился с выводами. Вину в нарушении полностью признал. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что 25 лет работает адвокатом, и за это время у него не было ни одного взыскания. Сейчас он понял и принял к руководству, что соглашение на защиту на один день и определённые следственные действия заключать нельзя. Необходимые выводы для себя сделал. Просит не лишать его статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, 26 февраля 2021 года вице-президент Адвокатской палаты города Москвы ... внес представление о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката К. (регистрационный номер ...), в котором указал, что 23 октября 2020 года в Адвокатскую палату города Москвы поступила жалоба Л., зарегистрированная за вх. № ..., в отношении адвоката К. 05 ноября 2020 года адвокат К. представил пояснения, из которых следует, что 19 августа 2020 года он заключил соглашение об оказании юридической помощи с Л. на его защиту по уголовному делу на один день «при допросе его в качестве подозреваемого и проведении очной ставки, обвинения и допросе обвиняемого, выезд на м/п».

В представлении указано, что в соответствии с Разъяснением № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденным Советом 30 мая 2013 года, «круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты, предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката».

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы в Заключении от 20 января 2021 года по дисциплинарному производству в отношении К. по жалобе Л. признала установленным, что адвокат К. заключил Соглашение об оказании юридической помощи на защиту Л. по уголовному делу на один день и принял участие в следственных и иных процессуальных действиях только 19 августа 2020 года. Вместе с тем, поскольку такое дисциплинарное обвинение Л не выдвигалось, Квалификационная комиссия не имела возможности дать оценку профессиональному поведению адвоката К. в данной части.

26 февраля 2020 года Президент Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в связи с поступившим представлением вице-президента Адвокатской палаты города Москвы от 26 февраля 2021 года возбудил дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (распоряжение № ...), материалы которого направил на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы.

31 марта 2021 года в Адвокатскую палату города Москвы поступили письменные объяснения адвоката К. от 31 марта 2021 года (вх. № ... от 31.03.2021), где он вновь указал, что 19 сентября 2020 года заключил соглашение на защиту интересов Л. при проведении следственных действий в С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве. Л. сообщил, что у него есть адвокат по соглашению, который не может в настоящее время прибыть для участия в следственных действиях, поэтому адвокат К. нужен ему в качестве защитника только на один день проведения следственных действий.

Адвокат К. заключил с Л. соглашение на его защиту только на один день и только на определенные следственные действия. Адвокат К. полагает, что позиция адвоката не должна противоречить позиции лица, интересы которого он защищает. Требования Л. заключались в том, что ему нужен адвокат только на один день и только на определенные следственные действия. Поэтому адвокат К. защищал интересы Л. только один день 19 сентября 2020 года и только при проведении определенных следственных действий. В дальнейшем Л. к адвокату К. за оказанием юридической помощи по данному уголовному делу не обращался, поскольку у него был другой защитник, с которым он заключил соглашение.

Адвокат К. полагал, что никаких нарушений адвокатской этики и требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» по данному уголовному делу он не допускал, а действовал строго в рамках закона и «точного выполнения требований лица, интересы которого он защищал».

В ходе дисциплинарного разбирательства было подтверждено, что 19 августа 2020 года адвокат К. в помещении СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве получил предложение от старшего следователя С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве О. вступить в находящееся в его производстве уголовное дело в качестве защитника по соглашению Л., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Адвокат К. согласился с этим предложением следователя О., проследовал вместе с ним в служебный кабинет следователя, где встретился с Л. и заключил с ним Договор об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года, предмет которого сформулировал, как «защита интересов только при допросе в качестве подозреваемого и проведении очной ставки, обвинения и допроса обвиняемого, выезд на м/п». Размер вознаграждения в Договоре об оказании юридической помощи определен в сумме 2 000 рублей. Адвокат К. выписал ордер № ... от 19 августа 2020 года, в поле «поручается» которого указал «защита Л. в С. МРСО по ...», а в поле «Основание выдачи ордера» внес запись «Договор». На основании данного Ордера адвокат К. вступил в уголовное дело в качестве защитника по соглашению подозреваемого Л., после чего в этот же день 19 августа 2020 года принял участие в качестве защитника Л. в допросе последнего в качестве подозреваемого, затем в предъявлении ему обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, допросе Л. в качестве обвиняемого, очной ставке между обвиняемым Л. и потерпевшей К., проверке показаний обвиняемого Л. на месте, избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В дальнейшем адвокат К. более не участвовал в качестве защитника обвиняемого Л. по данному уголовному делу.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката К. в том, что он 19 августа 2020 года заключил Договор без номера об оказании юридической помощи Л. на защиту последнего по уголовному делу на один

день и принял участие в следственных и иных процессуальных действиях только 19 августа 2020 года, Совет, как и Квалификационная комиссия, признает данные фактические обстоятельства установленными и расценивает их как нарушающие требования пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и противоречащие Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту».

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его вину в нарушении требований пп. 2 п. 4 ст. 25 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2018 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту» - доказанной.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершённое нарушение, Совет учитывает умышленный и грубый характер совершенного нарушения, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом К. положений действующего законодательства и профессиональной этики. Одновременно с этим Совет учитывает раскаяние адвоката К. и признание им своей ошибки.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 и пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту», утверждённых Советом 30 мая 2013 года, что выразилось в заключении им 19 августа 2020 года с доверителем Л. Договора об оказании юридической помощи без номера, предусматривающего участие в качестве защитника обвиняемого Л. по уголовному делу, находящемуся в производстве С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, только на один день «при допросе его в качестве подозреваемого и проведении очной ставки, обвинения и

допросе обвиняемого, выезд на м/п», участии адвоката К. 19 августа 2020 года в допросе Л. в качестве подозреваемого, в предъявлении ему обвинения, допросе Л. в качестве обвиняемого, очной ставке между обвиняемым Л. и потерпевшей К., проверке показаний обвиняемого Л. на месте, избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и в устранении от осуществления дальнейшей защиты Л.

5. Адвокат, заключивший Соглашение без указания конкретных видов оказываемой юридической помощи и получивший вознаграждение, не предусмотренное Соглашением, получил предупреждение.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось:

- в том, что 25 февраля 2020 года он заключил (оформил) с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется «составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»;

- в получении от доверителя М. вознаграждения в размере 20 000 рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года, без заключения к нему дополнительного соглашения;

- в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере 40 000 рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 года) не внес 40 000 рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Этим же Заключением Квалификационной комиссии адвокат С. признан не исполнившим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи по уголовному делу № ... от 25 февраля 2020 года, что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Заявитель М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление

с ним. С выводами Комиссии заявитель М. согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что он подавал несколько заявлений о преступлении в правоохранительные органы. Первое заявление было подано примерно в 2016 году. Но оно было написано им (М.) самим, не имеющим юридического образования, в связи с чем было непрофессиональным. После этого он обратился к адвокату, который в 2019 году помог составить ему новое заявление о преступлении. Это заявление о преступлении было направлено в различные правоохранительные органы. Оба эти заявления о преступлении были поданы в правоохранительные органы до заключения с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года. Смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он «продвинул» это (уже поданное) заявление в правоохранительных органах. Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы М.Т. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». За допущенные нарушения заявитель М. просит лишить адвоката С. статуса адвоката, поскольку считает, что остался без юридической помощи, которую рассчитывал получить от него.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката С. не исполнившим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи по уголовному делу № ... от 25 февраля 2020 года, что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что между адвокатом С. и заявителем М. было заключено Соглашение от 25 февраля 2020 года № ... об оказании юридической помощи.

Предмет поручения в соответствии с указанным соглашением был сформулирован следующим образом: *«Составить и обеспечить контроль за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»*.

Согласно п. 2.1 указанного Соглашения «Доверитель обязуется произвести оплату за юридическую помощь Адвоката по настоящему соглашению в следующем порядке и размере: 20 000 (двадцать тысяч рублей) на карту не позднее 7 марта 2020 года».

В соответствии с п. 2.7 Соглашения, «Оплата, обусловленная Настоящим соглашением, считается отработанной адвокатом при подаче соответствующего заявления».

В п. 4 указанного Соглашения предусматривается, что «при отсутствии оплаты в указанный срок договор считается незаключенным».

Фактически вознаграждение по Соглашению внесено в кассу адвокатского образования лишь 10 августа 2020 года в сумме 40 000 рублей, вдвое превышающей вознаграждение адвоката, предусмотренное подписанным заявителем М. и адвокатом С. соглашением.

16 мая 2020 года М. направил адвокату С. смс-сообщение, в котором указал: *«Уведомляю вас, что больше вы не являетесь моим адвокатом и от моего лица и от лица моих компаний не имеете право вести дела. Также я уведомляю вашу юридическую компанию, в том числе и о возврате средств, которые были оплачены ранее».*

18 мая 2020 года М. направил адвокату С. смс-сообщение следующего содержания: *«Когда мне ждать мои 40 тысяч рублей?».*

05 июня 2020 года М. направил адвокату С. три следующих смс-сообщения: *«У вас М.Г. председатель юридической компании, как я понимаю, я вынужден обращаться к нему и в другие учреждения за тем, чтобы вы мне мои деньги вернули»;* *«Буду им каждый час звонить. Хватит, где мои 40 тыс?»;* *«С Б. и другими клиентами туда поеду».*

Кроме того, заявитель М. обратился в Коллегию адвокатов «М.» с жалобами от 05 июня 2020 года и от 11 июня 2020 года на действия адвоката С., в которых также заявил требования о возврате адвокатом С. денежных средств, уплаченных по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года.

На основании изложенных выше фактических обстоятельств и учитывая отсутствие каких-либо пояснений по ним со стороны адвоката С., Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что не позднее 05 июня 2020 года М. отказался от заключенного с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи, направив адвокату С. (в том числе, в адвокатское образование, в котором состоит адвокат С.) требование о полном возврате уплаченного вознаграждения.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. При этом, в соответствии с пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относится предмет поручения.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отмечает, что предмет поручения, указанный в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., не позволяет четко установить, что именно подразумевалось адвокатом С. под «контролем за прохождением заявления в правоохранительные органы», а также какие виды юридической помощи отвечали бы достижению этой цели.

Неясность данной формулировки привела к расхождению понимания доверителем М. и адвокатом С. предмета поручения. Это неизбежно затруднило бы установление факта исполнения адвокатом С. своих обязательств по заключенному соглашению даже в том случае, если бы юридическая помощь по нему была бы оказана.

Так, в жалобе от 26 февраля 2021 года заявитель М. указывает на то, что вышеуказанный предмет поручения в Соглашении сформулировал адвокат С.

В объяснениях адвоката С. указывается на то, что «существо поручения заключалось в помощи в продвижения в «... ОВД Т.» заявления М. о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ (Мошенничество) в отношении гражданки М.Т., бухгалтера принадлежащей М. фирмы».

Не соглашаясь с такой формулировкой, М. в поступившем в Адвокатскую палату города Москвы 19 мая 2021 года дополнении к жалобе указывает, что предметом соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года являлось не «продвижение заявления в ОБЭП», а оказание М. юридической помощи, как фактически потерпевшему от преступления, совершенного М.Т.

Совет и Квалификационная комиссия ранее неоднократно отмечали, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см, например, *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва, 2004. С. 18*).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с тем, что предметом соглашения на оказание юридической помощи является адвокатская деятельность, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6 (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 22-25, Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 196*).

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение вышеперечисленных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуре в Российской Федерации)), а как лица, которое оказывает различного рода услуги неясной правовой природы.

Исходя из этого, в силу взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию предмета поручения в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ... лежала на адвокате С. Ненадлежащее исполнение им данной обязанности привело к существенным затруднениям в определении содержания юридической помощи, которую адвокат С. должен был оказать доверителю М.

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что адвокат С. обязан был составить заявление о преступлении.

Совет обращает внимание на то, что при неисполнении адвокатом обязанности четко, понятно и недвусмысленно сформулировать предмет поручения органы адвокатского самоуправления обязаны устанавливать фактически согласованный адвокатом с доверителем и необходимый для разрешения возникшего у него правового вопроса предмет поручения с учетом всей совокупности фактических обстоятельств.

В связи с этим Совет считает необходимым проанализировать доводы жалобы и объяснений заявителя М. по вопросу о существовании правовой проблемы, с которой он обратился к адвокату С., и с учётом этого определить действия, которые должны были быть совершены адвокатом С. для оказания М. квалифицированной юридической помощи по ее разрешению.

Из жалобы М. следует, что в отношении него М.Т. совершила преступные действия, в результате которых ему был причинен имущественный вред. Давая объяснения в заседании Совета, заявитель М. уточнил обстоятельства, которые обусловили его обращение к адвокату С. Так, он сообщил, что в 2016 году самостоятельно подавал в правоохранительные органы заявление о преступлении в отношении М.Т. Сведения о рассмотрении этого заявления отсутствуют. Заявитель М. связывает это с тем, что он не обладает юридическими познаниями и, как следствие, поданное им заявление не отвечало необходимым требованиям. В 2019 году иным адвокатом заявителю М. была оказана юридическая помощь по составлению нового заявления о преступлении, которое вновь было подано в правоохранительные органы. Однако при его рассмотрении со стороны правоохранительных органов была допущена волокита. Как указано выше, заявитель М. считает, что «смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он продвинул это заявление в правоохранительных органах». Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы М.Т. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». Именно об этом он указал и в жалобе, написав, что «адвокат С. не совершил ни одного действия по защите моих прав и законных интересов, не подал ни одного обращения в правоохранительные или другие органы,

устно вводя меня в заблуждение, что составляет жалобы и подает их в полицию».

Таким образом, давая оценку предмету поручения в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., Совет отмечает, что цель обращения М. к адвокату С. заключалась в преодолении волокиты при рассмотрении уже поданного заявления о преступлении в отношении М. Поэтому предметом поручения следует считать оказание юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе путём обжалования действий (бездействия) должностных лиц правоохранительных органов по рассмотрению сообщения о преступлении или уже принятого процессуального решения – постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим, Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии в части неисполнения адвокатом С., вопреки предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», своих профессиональных обязанностей перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении. Совет приходит к выводу о том, что в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче доверителю документа, подтверждающего проведение операции с его средствами, Совет приходит к следующим выводам.

Хотя в п. 2.1 Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года предусмотрено вознаграждение адвоката в сумме 20000 рублей, фактически адвокатом С. по данному Соглашению об оказании юридической помощи получено вознаграждение в сумме 40000 рублей.

Указанные денежные средства были внесены в кассу адвокатского образования 10 августа 2020 года после неоднократных требований М. о возврате денежных средств.

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Согласно пп. 4 п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и порядок выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь

являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В соответствии п.п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет и Квалификационная комиссия неоднократно указывали, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы подробно описывали подобные нарушения со стороны адвокатов (невнесение полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами), что, в частности, нашло свое отражение в пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в

неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)*).

Совет в своей дисциплинарной практике исходит из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования, адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Как было установлено Квалификационной комиссией, не позднее 05 июня 2020 года М. отказался от заключенного с адвокатом С. Соглашения от 25 февраля 2020 года об оказании юридической помощи № ... Таким образом, денежные средства адвокатом С. были внесены в кассу адвокатского образования уже после одностороннего отказа доверителя М. от поручения, то есть, вне периода действия вышеуказанного соглашения.

При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства выдачи адвокатом С. доверителю М. финансового документа (приходный кассовый ордер от 10 августа 2020 года № ...) по проведению операции с его средствами в порядке, установленном действующим законодательством. В жалобе заявитель М. указывает на то, что адвокат С. отказался выдать ему «расписку о получении денег, сославшись на занятость». Факт невыдачи М. финансового документа по проведению операции с его средствами не оспаривает и адвокат С., который в дополнительных письменных объяснениях (вх. № ... от 25.05.2021) предлагает заявителю М. доказать полученную им сумму вознаграждения.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. не исполнил обязанности по внесению денежных средств, полученных от доверителя М. по заключенному соглашению, в кассу адвокатского образования, а также по выдаче доверителю финансовых документов по проведению операций со средствами доверителя.

Относительно довода жалобы М. о том, что адвокат С., «несмотря на устное согласие», отказывается вернуть заявителю М. неотработанное им вознаграждение, Совет считает необходимым указать на следующее.

Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, в связи с тем, что находятся за пределами их

компетенции. Предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и, соответственно, Совета может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты» (п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов).

Поэтому обстоятельства, связанные с установлением стоимости оказанной адвокатом юридической помощи, не могут быть предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и Совета. В случае возникновения разногласий относительно размера гонорара все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката С. о пропуске срока применения к нему мер дисциплинарной ответственности. Заявитель М. обвиняет адвоката С. в неоказании юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года, в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче документа, подтверждающего проведение операции с его средствами. Кроме того, М. заявляет требование о возврате уплаченного адвокату С. по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года вознаграждения в сумме 40 000 рублей.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 года, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, действовавшей до внесения в нее изменений X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 года, меры дисциплинарной ответственности могли быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске, при условии, что с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения)».

15 апреля 2021 года из п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката был исключен абзац 1, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, при этом в абзац 2, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения), какие-либо изменения не вносились.

Поскольку Соглашение об оказании юридической помощи № ... было заключено 25 февраля 2020 года, а прекращено доверителем М. не позднее 05 июня 2020 года путем направления адвокату С. письменного требования о полном возврате уплаченного вознаграждения, оснований для применения к данным правоотношениям недействующей редакции Кодекса

профессиональной этики адвоката (в редакции от 22 апреля 2013 года, утвержденной VI Всероссийским съездом адвокатов) не имеется.

Совет также считает, что, поскольку жалоба М. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 01 марта 2021 года, то на данные правоотношения распространяются положения абзаца 1 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 года, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, в соответствии с которыми меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка. Этот срок исчисляется с момента поступления жалобы в Адвокатскую палату города Москвы и, соответственно, он на момент принятия Советом решения по дисциплинарному производству не истек.

То обстоятельство, что ранее заявитель М. обращался с жалобами аналогичного содержания в адвокатское образование, в котором осуществляет свою деятельность адвокат С., юридического значения не имеет, поскольку руководитель адвокатского образования не наделен полномочиями по возбуждению дисциплинарного производства и его передаче на рассмотрение в квалификационную комиссию.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный им дисциплинарный проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, явное игнорирование адвокатом С. основополагающих правил профессионального поведения. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось:

- в том, что 25 февраля 2020 года он заключил (оформил) с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется

«составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»;

- в получении от доверителя М. вознаграждения в размере 20 000 рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года, без заключения к нему дополнительного соглашения;

- в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере 40 000 рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 года) не внес 40 000 рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 26 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

6. Адвокату объявлено замечание за включение в Соглашение альтернативного условия о почасовой оплате его работы без ограничения предельного размера вознаграждения в случае досрочного расторжения Соглашения по инициативе доверителя.

Квалификационная комиссия 26 мая 2021 года вынесла Заключение:

о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ю., выразившемся:

- в том, что, получив от доверителя Ю. 16 ноября 2020 года в счет оплаты оказанной юридической помощи вознаграждение в размере 250 000 рублей, адвокат Т. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- в том, что заключив (оформив) с Ю. Договор № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года, он включил в него альтернативное условие о почасовой оплате работы адвоката в случае досрочного расторжения Договора без ограничения предельного размера вознаграждения, исчисляемого по почасовой ставке, а затем, после расторжения Договора по инициативе доверителя Ю., 09 февраля 2021 года направил в ее адрес претензию, в которой потребовал выплаты вознаграждения, превышающего на 45 000 рублей сумму вознаграждения,

предусмотренную Договором № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года, за полное исполнение адвокатом поручения;

о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе Ю. от 22 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021):

- в части дисциплинарных обвинений в оказании подзащитному Ю.Э. юридической помощи без получения его согласия на защиту адвокатом Т., а также в оказании подзащитному Ю.Э. неквалифицированной юридической помощи - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат Т. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился и с выводами согласен.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но соглашается с её выводами частично.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что между адвокатом Т. и доверителем Ю. 16 ноября 2020 года был заключен Договор № ... об оказании юридической помощи в пользу третьего лица – Ю.Э.

Согласно п. 1.1 указанного Договора, предметом поручения являлась «Защита Ю.Э. на предварительном следствии в ... г. Москвы по уголовному делу ч. 4 ст. 158 УК РФ», а также «Консультация по актуальным вопросам в рамках предмета настоящего договора». В соответствии с п. 3.1 Соглашения вознаграждение адвоката за оказываемую юридическую помощь составляет 250 000 рублей. Кроме того, Соглашение предусматривало следующие условия: «Договор может быть прекращен по истечении срока действия или досрочно» (п. 8.2); «Досрочное прекращение Договора возможно при неисполнении одной из сторон своих обязательств или по соглашению сторон. О намерении досрочного прекращения Договора стороны обязаны уведомить друг друга не менее, чем за 10 дней до предполагаемой даты прекращения Договора в письменной форме» (п. 8.3); «В случае прекращения договора по инициативе Клиента, последний оплачивает услуги адвоката из расчета: 1 час работы 10 000 (десять тысяч) рублей 00 коп.» (п. 8.4).

16 ноября 2020 года Ю. выплатила адвокату Т. вознаграждение в сумме 250 000 рублей, в подтверждение чего адвокат Т. выдал Ю. документ, поименованный «Квитанция к приходному кассовому ордеру № ...» от 16 ноября 2020 года, подписанный самим адвокатом Т. в полях «Главный бухгалтер» и «Кассир».

В связи с этим Совет обращает внимание адвоката Т. на то, что указанный документ не подтверждает надлежащим образом внесение им

полученного от доверителя вознаграждения в кассу адвокатского образования и по существу является распиской, подтверждающей получение адвокатом Т. вознаграждения от доверителя Ю. 16 ноября 2020 года.

Адвокат Т. принял меры к вступлению в уголовное дело в качестве защитника Ю.Э. и посещению его по месту содержания под стражей, однако, вплоть до 13 января 2021 года так и не получил возможности свидания со своим подзащитным Ю.Э. вследствие указываемых адвокатом Т. обстоятельств: болезнь следователя, помещение Ю.Э., ранее содержавшегося в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, в санчасть ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, рассмотрение Г. районным судом города Москвы ходатайства о продлении срока содержания под стражей в отсутствие обвиняемого Ю.Э. в связи с его нахождением на карантине, перевод Ю.Э. после выздоровления из ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве.

Вплоть до момента расторжения Договора от 16 ноября 2020 № ... об оказании юридической помощи года адвокат Т. не вступил в уголовное дело в качестве защитника Ю.Э. Вместе с тем, адвокат Т. принял участие в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении Ю.Э. срока содержания под стражей, которое состоялось 23 декабря 2020 года в отсутствие обвиняемого Ю.Э. в связи с его нахождением на карантине (ч. 13 ст. 109 УПК РФ).

13 января 2021 года доверитель Ю. своим письменным заявлением в одностороннем порядке расторгла Договор об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ... и потребовала расчета стоимости оказанной юридической помощи и возврата неотработанного остатка уплаченного адвокату Т. вознаграждения.

В связи с этим адвокат Т. направил в адрес доверителя Ю. досудебную претензию от 09 февраля 2021 года с расчетом суммы вознаграждения адвоката на основании п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ..., которое составило 295 000 рублей за 29 часов 30 минут работы адвоката Т. С указанной претензией Ю. не согласилась, потребовала возврата части уплаченного адвокату Т. вознаграждения в сумме 110 000 рублей.

25 февраля 2021 года Ю. обратилась с заявлением в адрес Б. городского прокурора, в котором указала на бездействие адвоката Т. В данном заявлении содержится информация о том, что вечером 23 ноября 2020 года адвокат Т. сообщил по телефону Ю. о болезни следователя, а в дальнейшем от следователя Ю. получила информацию о том, что Ю.Э. 30 ноября 2020 года заболел «коронавирусом» и был помещен в больницу ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. Согласно сообщаемой Ю. информации, после прохождения лечения Ю.Э. был переведен обратно в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве.

02 апреля 2021 года Договор об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ... был зарегистрирован в документации коллегии

адвокатов с присвоением номера ... и последующим внесением 07 апреля 2021 года ранее полученного адвокатом Т. вознаграждения в сумме 250 000 рублей в кассу адвокатского образования.

15 апреля 2021 года Ю. подписала «Соглашение о возврате гонорара» в рамках Соглашения от 02 апреля 2021 года №... [Со стороны филиала «Адвокатская контора № ...» М. коллегии адвокатов города Москвы «Соглашение о возврате гонорара» подписано кассиром М. – Примечание Совета], указав, что претензий к адвокату Т. не имеет. На основании «Соглашения о возврате гонорара» Ю. получила по расходному кассовому ордеру от 15 апреля 2021 года № ... возврат части уплаченного адвокату Т. вознаграждения в сумме 110 000 рублей.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката Т. после заключения 16 ноября 2020 года Соглашения об оказании юридической помощи на защиту Ю.Э., Совет отмечает, что в силу п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Согласно имеющемуся в материалах дисциплинарного производства Отчету о работе по соглашению с Ю. [Так указано в отчете – Примечание Совета], а также объяснениям адвоката Т., после заключения Соглашения об оказании юридической помощи, 23 ноября 2020 года он предпринимал попытки встретиться со следователем Следственного управления УВД по ... МВД России по городу Москве П., в чьем производстве находилось уголовное дело в отношении Ю.Э., а также с подзащитным Ю.Э.: 23 ноября 2020 года (заболела следователь), 30 ноября 2020 года (заболел подзащитный Ю.Э.), 28 декабря 2020 года (подзащитный Ю.Э. отсутствовал в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве), 11 января 2021 года (свидание с подзащитным Ю.Э. не состоялось в связи с отсутствием информации о нахождении Ю.Э. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве). Объяснения адвоката Т. по обстоятельствам принимаемых им попыток вступления в уголовное дело в качестве защитника Ю.Э. подтверждаются содержанием заявления Ю. от 25 февраля 2021 года в адрес Б. городского прокурора.

Таким образом, материалами дисциплинарного производства установлено наличие объективных обстоятельств, помешавших адвокату Т. посетить подзащитного Ю.Э. для получения согласия последнего на вступление адвоката Т. в уголовное дело в качестве его защитника, связанных с болезнью подзащитного, а также прочими обстоятельствами, вызванными распространением новой коронавирусной инфекции и введенными в связи с этим ограничениями. Кроме того, 13 января 2021 года, то есть менее чем через два месяца с момента заключения Договора об оказании юридической помощи

от 16 ноября 2020 года № ..., данное Соглашение об оказании юридической помощи было расторгнуто Ю. в одностороннем порядке.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что до момента расторжения 13 января 2021 года Соглашения об оказании юридической помощи адвокат Т. не получил согласие Ю.Э. на осуществление его защиты, поскольку не смог реализовать право на свидание со своим подзащитным.

При этом Совет обращает внимание, что в соответствии с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года № 12 (протокол № 8) по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (опубликовано на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в сети «Интернет» <<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>>): «5. По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России “ФСИН-ПИСЬМО” <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции “секретный чат” («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя.

6. Часть 4.1 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что “в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату

предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера”. Адвокатам необходимо активно пользоваться этим правом в целях своевременного получения такого согласия.

Если в отношении обвиняемого (подозреваемого) избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, то адвокат во всех случаях обязан получить согласие лица, которому он будет оказывать юридическую помощь, на свое участие в уголовном деле до начала ее оказания.

Совет отмечает, что лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда процессуальная ситуация требует немедленного оказания юридической помощи и отсутствует достаточное время для предварительного получения согласия обвиняемого (подозреваемого), адвокат вправе приступить к оказанию юридической помощи до его получения. В этих случаях адвокат в кратчайшие сроки, при первой возможности после начала оказания юридической помощи, обязан совершить все необходимые действия, направленные на получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле. На первой встрече (свидании) с обвиняемым (подозреваемым) адвокат обязан сообщить доверителю о действиях, которые он совершил в целях оказания ему юридической помощи, результатах этих действий и полученных в ходе их осуществления сведениях» (Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката “Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица”»).

С учетом вышеуказанных разъяснений, в отсутствие согласия Ю.Э. на участие адвоката Т. в уголовном деле в качестве его защитника, адвокат Т. не был вправе вступать в уголовное дело вплоть до момента получения такого согласия.

Вместе с тем Совет полагает, что адвокат Т. был обязан принять 23 декабря 2020 года участие в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по рассмотрению в отсутствие обвиняемого в соответствии с ч. 13 ст. 109 УПК РФ ходатайства следователя о продлении Ю. срока содержания под стражей по следующим причинам. Принимая во внимание установленные ч. 8 ст. 109 УПК РФ процессуальные сроки рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей, а также то, что указанное судебное заседание затрагивало фундаментальное право Ю.Э. на свободу, участие в нем адвоката Т., исходя из сложившейся процессуальной ситуации, было необходимо и признается Советом исключительным, не терпящим отлагательства случаем.

Факт оказания адвокатом Т. юридической помощи Ю.Э. в судебном заседании Г. районного суда города Москвы 23 декабря 2020 года опровергает доводы заявителя Ю. о бездействии адвоката Т. При этом сама заявитель Ю. в ответе от 19 февраля 2021 года на претензию адвоката Т. от 09 февраля 2021 года признает факты участия адвоката Т. в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя о продлении Ю.Э. срока содержания под стражей, а также ознакомления адвоката Т. с представленным

следователем в обоснование указанного ходатайства материалом. При этом она оценила работу адвоката Т. в 140 000 рублей.

Таким образом, дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката Т. не нашло своего подтверждения, поскольку адвокат Т., хотя и не вступил в уголовное дело в качестве защитника Ю., он принял участие в рассмотрении 23 декабря 2020 года Г. районным судом города Москвы ходатайства следователя о продлении Ю.Э. срока содержания под стражей в отсутствие обвиняемого, обеспечив его защиту.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неполучении адвокатом Т. согласия Ю.Э. на осуществление его защиты, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката. При этом ст. 6.1 Кодекса разъясняет, что под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокат оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом.

Заключив соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, то есть, на защиту Ю.Э., заявитель Ю. не являлась получателем юридической помощи адвоката Т. При этом юридическая помощь адвоката Т. влияла на реализацию прав, свобод и законных интересов именно Ю.Э. В связи с этим только он мог выдвинуть против адвоката Т. дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. оказывал ему юридическую помощь без его согласия и дать оценку соответствия такой помощи его волеизъявлению.

Поскольку заявитель Ю.Э. с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы не обращался, дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В связи с отсутствием жалоб Ю.Э. подлежит прекращению поэтому же основанию дисциплинарное производство и в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом Т. неквалифицированной юридической помощи, в том числе, в непредставлении материалов, необходимых, по мнению Ю., для изменения Ю.Э. меры пресечения.

Совет отмечает, что в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сложился подход, согласно которому адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать её только со своим подзащитным. При конкуренции позиций доверителя – лица, заключившего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, и доверителя – лица, которому адвокат оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом, приоритет отдается последнему. Отсюда следует, что при отсутствии претензий к качеству оказываемой правовой помощи со стороны подзащитного дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже

возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (пп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Дисциплинарное обвинение адвоката Т. в том, что он не представил доверителю Ю. отчет о проделанной работе, опровергается материалами дисциплинарного производства, в которых имеется отчет адвоката Т. с указанием видов юридической помощи, а также затраченного адвокатом на ее оказание времени. Указанный отчет имелся у заявителя Ю., поскольку его копия представлена ею в обоснование заявления в адрес Б. городского прокурора от 25 февраля 2021 года. В свою очередь, из данного заявления усматривается, что Ю. получила отчет о проделанной работе 03 февраля 2021 года, поскольку, хотя она и ссылается на то, что отчет был передан ее супругу, Ю.Т., тем не менее, признает, что также являлась участником встречи, на которой был передан отчет.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Т. в ненадлежащем оформлении отношений с доверителем, что выразилось в неознакомлении доверителя Ю. с «прейскурантом цен оказания юридической помощи» и неуказании в Соглашении об оказании юридической помощи объема юридической помощи Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Согласно пп. 4 п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и порядок выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенными условиями соглашения об оказании юридической помощи.

Адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося ему за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей (п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет обращает внимание, что «адвокат, исходя из безусловного права на достойное вознаграждение своей работы, и учитывая запрет отказаться от принятой на себя защиты, должен заранее озаботиться определением размера гонорара и порядка его выплаты доверителем, и с предельной ясностью сформулировать эти существенные условия в соглашении. Вполне допустимо и даже разумно, когда есть веские основания полагать, что расследование или рассмотрение дела примет длительный, затяжной характер, договориться с

доверителем о ежемесячной (почасовой) оплате юридической помощи» (*Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту» // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6, 7 (116, 117). С. 15).*

Поскольку вознаграждение адвоката Т. прямо предусматривалось условиями Соглашения об оказании юридической помощи, ознакомление Ю. с какими-либо «прейскурантами» при отсутствии ссылок на них в Соглашении об оказании юридической помощи в обязанности адвоката Т. не входило.

Указанный в Соглашении об оказании юридической помощи предмет поручения – защита Ю.Э. на предварительном следствии, по мнению Совета, сформулирован адвокатом корректно. При заключении Соглашения адвокат Т. не мог знать конкретный объем следственных и иных процессуальных действий, который будет произведен по данному уголовному делу, а следовательно, и объем юридической помощи, который определяется по каждому уголовному делу подзащитным и его защитником с учетом выбранной защитительной позиции по делу, положений уголовно-процессуального закона, законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, а также основанных на них решений органов адвокатской палаты.

Квалификационной комиссией в Заключении установлены следующие нарушения, допущенные адвокатом Т. при оформлении отношений с доверителем Ю.: несмотря на то, что вознаграждение в сумме 250 000 рублей по Договору об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2020 года адвокат Т. получил от доверителя Ю. 16 ноября 2020 года, в кассу адвокатского образования указанные денежные средства были внесены лишь 02 апреля 2021 года, что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру № ... от 07 апреля 2021 года. При этом Договор об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2020 года был зарегистрирован в делах адвокатского образования за № ... лишь 02 апреля 2021 года.

В этой части Квалификационная комиссия сослалась на п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением. Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

При этом Квалификационная комиссия отметила, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает

не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Дисциплинарные органы адвокатской палаты города Москвы неоднократно отмечали недопустимость подобных нарушений со стороны адвокатов (невнесение полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами). Это, в частности, нашло свое отражение в пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы www.advokatymoscow.ru*).

В этой части Квалификационная комиссия отметила, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения. Однако в ходе настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссией установлено, что как

регистрация Соглашения об оказании юридической помощи в документации коллегии адвокатов, так и внесение адвокатом Т. полученного от Ю. вознаграждения по указанному Соглашению в кассу адвокатского образования произошло после расторжения данного Соглашения об оказании юридической помощи на основании заявления Ю. от 13 января 2021 года, а также после обращения Ю. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой от 22 февраля 2021 года на адвоката Т.

Соглашаясь с оценкой Квалификационной комиссии установленных ею фактических обстоятельств в этой части, Совет обращает внимание на то, что в жалобе заявителя Ю. отсутствуют дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Т. в несвоевременном внесении им вознаграждения, полученного по Договору об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2020 года, в кассу адвокатского образования либо в несвоевременном его перечислении на расчетный счет адвокатского образования, а также в невыдаче приходного документа доверителю. В жалобе заявителя Ю. также отсутствует и дисциплинарное обвинение в несвоевременной регистрации адвокатом Т. Договора об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2020 года в делах адвокатского образования.

В соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в дисциплинарном производстве осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (пп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Вместе с тем, Совет считает необходимым обратить особое внимание адвоката Т. на недопустимость подобных действий.

Квалификационная комиссия в Заключении обоснованно отклонила доводы объяснений адвоката Т. о том, что Соглашение об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года было прекращено лишь при заключении Соглашения о возврате гонорара от 15 апреля 2021 года. Как установлено в ходе дисциплинарного производства, Ю. заключила с адвокатом Т. соглашение на защиту Ю.Э., то есть разновидность договора в пользу третьего лица (п. 1 ст. 430 ГК РФ), однако согласие Ю.Э. на оказание ему юридической помощи адвокатом Т. не было получено.

В силу положений п. 2 ст. 430 ГК РФ, «Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица».

Право на досрочное расторжение Договора № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года предусмотрено также пунктами

8.2 и 8.3 данного Договора. Кроме того, поскольку адвокат Т. не получил согласия Ю.Э. на осуществление его защиты адвокатом Т., Ю., как доверитель, была вправе расторгнуть заключенное с адвокатом Т. Соглашение в любой момент, вне зависимости от включенных в Соглашение об оказании юридической помощи условий, в том числе и без учета определенных в нем сроков предупреждения о предстоящем расторжении. При этом письменное заявление Ю. о расторжении Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ... с 13 января 2021 года недвусмысленно указывает на волеизъявление доверителя Ю. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи.

В соответствии с п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесённого гонорара».

В п. 3 Договора об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2020 года определено вознаграждение в сумме 250 000 рублей за оказание адвокатом Т. всего объема юридической помощи, предусмотренной предметом поручения доверителя. Однако п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ... предусматривал альтернативный механизм определения размера вознаграждения адвоката в случае досрочного расторжения соглашения об оказании юридической помощи – 10 000 рублей за один час работы адвоката.

Совет ранее неоднократно указывал на то, что «доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент производства по уголовному делу, что ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ: «при расторжении договора обязательства сторон прекращаются»». *(Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы № 3 по вопросам профессиональной этики адвоката // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4-5(42-43). С. 15-18. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 117-121).*

Оценивая приведённое выше содержание п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ..., Совет отмечает, что данный пункт, а равно и иные условия указанного Соглашения об оказании

юридической помощи, не содержат какого-либо ограничения размера вознаграждения адвоката в случае прекращения Соглашения об оказании юридической помощи «по инициативе Клиента». При этом условия заключенного адвокатом Т. и Ю. Соглашения об оказании юридической помощи не предусматривали предоставления адвокатом Т. регулярных отчетов о времени, затраченном на оказание юридической помощи.

При таких обстоятельствах данное условие не только может приобретать характер санкции за досрочное расторжение Соглашения об оказании юридической помощи доверителем адвоката, но и создает препятствие для реализации права доверителя на расторжение Соглашения об оказании юридической помощи в любой момент ее оказания (с особенностями применения п. 2 ст. 430 ГК РФ), что противоречит вышеуказанным разъяснениям Совета.

Именно такое назначение данного условия признал и адвокат Т. в своих объяснениях, указав, что данный пункт был включен в Соглашение об оказании юридической помощи в связи с тем, что адвокат Т. принимал на себя защиту Ю.Э. «после смены двух адвокатов и на случай одностороннего необоснованного расторжения соглашения со стороны клиента».

Направление же адвокатом Т. в адрес Ю. претензии от 09 февраля 2021 года, в которой он предъявил требования об уплате ему вознаграждения в сумме 295 000 рублей, то есть на 45 000 рублей больше, чем определено в п. 3 Соглашения об оказании юридической помощи, лишь подтверждает, что адвокат Т. намеревался реализовать предусмотренную Договором об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года № ... форму имущественной ответственности доверителя за его досрочное расторжение.

Совет отмечает, что условие об альтернативном порядке определения вознаграждения адвоката в случае досрочного расторжения соглашения об оказании юридической помощи было направлено и использовано адвокатом Т. как способ ограничения права доверителя на досрочное расторжение договора. Кроме того, поскольку возможность превышения размера вознаграждения адвоката за полное исполнение поручения (250 000 рублей) не была ясно и недвусмысленно оговорена в соглашении об оказании юридической помощи, это могло ввести и фактически ввело заявителя Ю. в заблуждение относительно порядка определения вознаграждения адвоката. На это указывают и ее доводы о незнакомлении с «прейскурантом цен оказания юридической помощи». В этих условиях предъявление адвокатом Т. претензии Ю. на сумму, превышающую вознаграждение адвоката за полное исполнение поручения, приобрело форму санкции за реализацию доверителем Ю. своего права на досрочное расторжение соглашения.

С учетом изложенного Совет признаёт указанные действия адвоката Т. ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем Ю.

В то же время Совет отмечает, что после получения ответа Ю. на свою претензию, адвокат Т. отказался от продолжения реализации указанного

недопустимого положения Соглашения об оказании юридической помощи и возвратил Ю. при указанных выше обстоятельствах часть полученного вознаграждения в соответствии с ее требованиями.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Т. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание как его грубый и умышленный характер, так и то, что адвокат Т. нарушение допустил впервые, добровольно прекратил попытки нарушения прав доверителя. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ю., выразившееся в том, что заключив (оформив) с Ю. Договор № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года, он включил в него альтернативное условие о почасовой оплате работы адвоката в случае досрочного расторжения Договора без ограничения предельного размера вознаграждения, исчисляемого по почасовой ставке, а затем, после расторжения Договора по инициативе доверителя Ю., 09 февраля 2021 года направил в ее адрес претензию, в которой потребовал выплаты вознаграждения, превышающего на 45 000 рублей сумму вознаграждения, предусмотренную Договором № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года, за полное исполнение адвокатом поручения.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе Ю. от 22 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021):

- в части невнесения адвокатом Т. в кассу адвокатского образования вознаграждения, полученного по Договору № ... об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 года, невыдачи доверителю финансового документа по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, а также в части дисциплинарных обвинений в оказании подзащитному Ю.Э. юридической помощи без получения его согласия на защиту адвокатом Т. и в оказании подзащитному Ю.Э. неквалифицированной юридической помощи - вследствие

обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

7. Адвокату объявлено замечание за включение в соглашение об оказании юридической помощи условий, согласно которым при досрочном расторжении соглашения доверителем оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года адвокатом Ш. допущено:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что она включила в заключенные с доверителем С. Соглашения об оказании юридической помощи от 03 марта 2019 года, от 23 апреля 2019 года и от 15 октября 2019 года пункты 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении Соглашений по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и п. 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ;

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в невыдаче доверителю С. приходного кассового ордера или квитанции о получении от нее вознаграждения за юридическую помощь по Соглашению об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 года в сумме 200 000 (двести тысяч) рублей.

Адвокат Ш. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено своевременно, с Заключением она ознакомлена и с выводами Комиссии согласна, подтвердив свои доводы, представленные в заседании Квалификационной комиссии.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ш., признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с её выводами, однако считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части, касающейся включения адвокатом Ш. в Соглашения об оказании юридической помощи от 03 марта 2019 года и от 23 апреля 2019 года пунктов 4.8 и 6.3. Принимая такое решение, Совет исходит из следующего.

Так, установлено, что 03 марта 2019 года адвокат Ш. заключила Соглашение с С. на осуществление защиты С.Д. на предварительном

следствии в СУ УМВД России по г.о. Х. М. области, который обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228, ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, получив вознаграждение в сумме 150 000 рублей.

23 апреля 2019 года адвокат Ш. заключила Соглашение с С. на осуществление защиты С. в Х. городском суде М. области, получив вознаграждение в сумме 300 000 рублей.

15 октября 2019 года адвокат Ш. заключила соглашение с С. на осуществление защиты С.Д. в Х. городском суде М. области в связи с передачей уголовного дела из производства судьи П. в производство судьи Ф. на новое судебное разбирательство. Сумма вознаграждения адвоката составляла 200 000 рублей.

Во все указанные Соглашения об оказании юридической помощи адвокатом Ш. были включены пункты 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении соглашений по инициативе доверителя С. уплаченные адвокату суммы вознаграждений возврату не подлежат.

В представлении также указано, что при заключении соглашения от 15 октября 2019 года адвокатом Ш. не была выдана С. квитанция или приходный кассовый ордер о получении от неё вознаграждения в сумме 200 000 рублей.

Адвокат Ш. в заседании Квалификационной комиссии 23 июня 2021 года пояснила, что согласна с дисциплинарными обвинениями относительно включения во все три соглашения об оказании юридической помощи пунктов 4.8 и 6.3, признав их некорректными, поскольку после ознакомления с представлением она детально изучила дисциплинарную практику Адвокатской палаты города Москвы по этому вопросу и пришла к выводу, что в этой части она допустила нарушение. Документального подтверждения факта передачи доверителю С. квитанции от 15 октября 2019 года № ... о внесении 200 000 рублей у неё нет.

В связи с изложенным Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что указанные действия адвоката Ш. нельзя признать честным, разумным и добросовестным исполнением обязанностей по отношению к доверителю С.

Квалификационная комиссия в Заключении также отметила, что одним из основных принципов адвокатской деятельности является фидуциарный характер взаимоотношений адвоката с доверителем. Включение в соглашение об оказании юридической помощи условия о неустойке и/или о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения в случае одностороннего отказа доверителя от соглашения является недопустимым, может поставить под сомнение интересы доверителя и, как следствие, подорвать доверительный характер отношений между ним и адвокатом. Органы адвокатского самоуправления города Москвы неоднократно высказывали эту позицию, а именно: доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате

только фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного вознаграждения.

Данная позиция также содержится в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2014 года № 7 «О соглашении на оказание юридической помощи», доведенном до всеобщего сведения путем опубликования в изданиях «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 7-8), «Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы» (М., 2014. С. 128-129).

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы в заключениях, а Совет Адвокатской палаты города Москвы в решениях неоднократно отмечали, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе и надлежащее оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Совет соглашается с приведенными выше выводами Квалификационной комиссии.

Вместе с тем, Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части включения адвокатом Ш. в соглашения от 03 марта 2019 года и 12 апреля 2019 года пунктов 4.8 и 6.3 вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, поскольку в соответствии п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности

могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет. Возражений от адвоката Ш. против прекращения дисциплинарного производства по указанному основанию в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры; неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными Кодексом профессиональной этики адвоката (преамбула и п. 2 ст. 19 Кодекса).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание их умышленный характер, обусловленный очевидным пренебрежением адвокатом Ш. требованиями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Ш. признала допущенные ею нарушения, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. Учитывая эти обстоятельства, Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

Применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что она включила в заключенное с доверителем С. Соглашение об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 года пункты 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении Соглашения по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и п. 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ;

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в невыдаче доверителю С. приходного кассового ордера или квитанции о получении от нее вознаграждения за юридическую помощь по Соглашению об оказании юридической помощи от 15 октября 2019 года в сумме 200 000 (двести тысяч) рублей.

Прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката Ш. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 01 марта 2021 года № ... (вх. № ... от 29.03.2021), основанному на жалобе С. без даты (вх. № ... от 29.03.2021), в части дисциплинарного обвинения в ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что она включила в заключенные с доверителем С. Соглашения об оказании юридической помощи от 03 марта 2019 года и от 23 апреля 2019 года пункты 4.8 и 6.3, согласно которым при досрочном расторжении Соглашений по инициативе доверителя С. оплаченная адвокату сумма вознаграждения возврату не подлежит, что противоречит императивным нормам гражданского законодательства, в частности, п. 1 ст. 782, п. 1 и п. 2 ст. 977, п. 1 ст. 978 ГК РФ, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

8. Адвокату-руководителю адвокатского образования объявлено предупреждение за заключение соглашения о защите по уголовному делу

от имени адвокатского образования и устранение от защиты, а также за включение в это соглашение условия о «гонораре успеха».

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года адвокат Ж.:

- не исполнила, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 года с А. Договора № ... на защиту по уголовному делу и полном устранении от оказания юридической помощи доверителю;

- ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось во включении в Договор от 24 июля 2020 года № ... на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей.

В соответствии с тем же Заключением Квалификационной комиссии адвокат П. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в оказании доверителю А. юридической помощи в период с 24 июля 2020 года по 05 октября 2020 года в виде устных консультаций по правовым вопросам без заключения в простой письменной форме соглашения об оказании юридической помощи, а лишь на основании устного соглашения.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель А. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявитель согласна частично. Не согласна с тем, что в отношении адвоката П. дисциплинарное производство частично признано подлежащим прекращению. В Щ. районном суде города Москвы ее защиту осуществлял адвокат К. Соглашение она заключала с адвокатом Ж. Целью заключения соглашения, по её мнению, являлась защита ее самой и ее сына по

уголовному делу, по которому они оба привлекались к уголовной ответственности. Поддерживает в полном объеме доводы своих возражений от 07 августа 2021 года (вх. № ... от 09.08.2021).

Адвокат Ж. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключение Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласна в части недопустимости включения в соглашение об оказании юридической помощи по уголовным делам положения о «гонораре успеха», в остальной части не согласна, поскольку считает, что не принимала поручения на защиту сына А. Доводы своих письменных возражений от 16 августа 2021 года (вх. № ... от 16.08.2021) поддерживает в полном объеме. В соглашении имеются технические ошибки, которые заявитель А. толкует в свою пользу. Адвокат Ж. подписала соглашение исключительно в качестве лица, которое принимает оплату по этому делу, но не как адвокат, который принимает поручение. Она толковала это соглашение как договор, а не как соглашение об оказании юридической помощи, при этом разницу между договором и соглашением с учётом содержания ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» пояснить затруднилась. Считает, что «в гражданско-правовых отношениях адвокатам следует давать больше прав на заключение договоров». Понимает, что ее позиция не соответствует законодательству, и она должна понести дисциплинарную ответственность.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключение Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии не согласен в той части, что он оказывал юридическую помощь в отсутствие соглашения. У него не было соглашения об оказании юридической помощи А., и он не оказывал ей никакую юридическую помощь. С ней у адвоката П. вообще не было отношений «адвокат-доверитель». Он беседовал с А. по телефону, поскольку изучал документы по уголовному делу, касающиеся её сына, который привлекался к уголовной ответственности вместе с ней в по одному уголовному делу и защитником которого адвокат П. являлся на основании заключённого соглашения. Защиту А. в суде он не осуществлял, её защищал другой адвокат.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии в части дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Ж., поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах. В части дисциплинарного обвинения в отношении адвоката П. Совет, признавая фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, не соглашается с её выводами и, вопреки им, считает необходимым прекратить дисциплинарное производство, поскольку Квалификационной комиссией допущена ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

Так, установлено, что А. обратилась в Московскую коллегия адвокатов «...» и 24 июля 2020 года заключила в качестве «заказчика» с председателем коллегии адвокатом Ж. Договор № ... на защиту по уголовному делу (далее «Договор»). Согласно п. 1.1 указанного Договора, предметом поручения являлось осуществление в установленном УПК РФ порядке «защиты А. в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в Щ. районном суде города Москвы в отношении А.».

Согласно п. 1.3 Договора «Для выполнения предусмотренного данным договором поручения Исполнитель назначает по согласованию с Заказчиком адвоката для осуществления защиты в течение всего периода предварительного расследования». При этом под «исполнителем» в соответствии с используемой в Договоре терминологией понимается МКА «...».

Согласно п. 4.1 Договора «Стороны определили оплату по делу в размере 150 000 (сто пятьдесят тысяч) руб., которая вносится в течение 1 дня с момента заключения настоящего Договора». Данная сумма была оплачена А. в полном объеме.

Пунктом 4.2 Договора предусмотрено условие об оплате «заказчиком» А. дополнительного вознаграждения (дополнительной оплаты) в размере 200 000 рублей в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы.

Действие Договора было прекращено по инициативе А. на основании поданного ею в МКА «...» заявления от 05 октября 2020 года с предложением расторгнуть Договор и вернуть оплаченные по Договору денежные средства. После прекращения действия Договора А. заказным почтовым отправлением (трек код № ...) направила в МКА «...» претензию от 02 ноября 2020 года, в которой также содержалось требование о возврате оплаченных ею денежных средств в полном объеме. Согласно сведениям, имеющимся на официальном сайте Почты России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<[https://www.pochta.ru/tracking...>](https://www.pochta.ru/tracking...)), данная претензия была отправлена А. 08 ноября 2020 года адвокату Ж. в МКА «...» и вручена адресату 13 ноября 2020 года.

В день заключения указанного Договора с А. между МКА «...» и адвокатом П. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 24 июля 2020 года, в соответствии с которым адвокат П. принял на себя обязательство оказать А. «юридические услуги» по защите ее сына, А.С., в Щ. районном суде города Москвы.

Квалификационная комиссия правильно определила предмет дисциплинарного производства, сформулировав на основе жалобы А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ж.:

1) она не осуществляла взятые на себя по Договору обязательства по защите А. по уголовному делу;

2) она включила в Договор условие о «гонораре успеха».

Рассматривая эти дисциплинарные обвинения, Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в коллегии адвокатов соглашения об оказании юридической помощи заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. Данное предписание специального закона, регулирующего вопросы оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи (осуществления адвокатской деятельности), обязывает адвоката, состоящего в коллегии адвокатов, и одновременно наделяет его правом заключать соглашение об оказании юридической помощи с доверителем. Заключая соглашение об оказании юридической помощи, адвокат тем самым принимает на себя обязанность по оказанию юридической помощи и исполнению поручения доверителя, предусмотренного таким соглашением, а также обязанность по соблюдению при заключении соглашения и при исполнении обязанностей перед доверителем предписаний и требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, включая требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, стороной по Договору с А. от 24 июля 2020 года указана МКА «...» в лице председателя коллегии адвоката Ж., подпись которой содержится в Договоре.

Учитывая приведенные выше нормативные положения, Совет обращает внимание адвоката Ж. на то, что коллегия адвокатов не может выступать стороной соглашения об оказании юридической помощи, и, следовательно, в рассматриваемых обстоятельствах именно адвокат Ж., лично подписавшая Договор с А., приняла на себя поручение об оказании А. юридической помощи по Договору. При этом обязанность по соблюдению требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката при заключении Договора с А. также возложена на адвоката Ж. как профессионального участника правоотношений с доверителем.

Совет также отмечает, что предусмотренные пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством способами предполагают личное участие адвоката в процессе оказания юридической помощи доверителю.

Адвокат Ж. в письменных пояснениях от 16 апреля 2021 года (вх. № ... от 20.04.2021) не отрицает, что оказание юридической помощи А. по Договору

не осуществляла и не намеревалась осуществлять. Адвокат Ж. также указывает, что в соответствии с п. 1.3 Договора с А. была достигнута устная договоренность о том, что юридическую помощь А. будет оказывать именно адвокат П., после чего А. «определила», что юридическая помощь требуется не ей, а ее сыну А.С. Давая пояснения в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат Ж. сообщила, что предлагала А. подписать изменения к Договору в части определения лица, которому оказывается юридическая помощь, однако А. отказалась это сделать.

Вместе с тем, Совет отмечает, что в своей жалобе А. указывает, что «на протяжении всего судебного разбирательства по уголовному делу председатель коллегии Ж., выступающий по соглашению как «Исполнитель», не осуществляла взятые на себя обязательства по моей защите», а договор от 24 июля 2020 года предусматривает оказание юридической помощи непосредственно самой А., и в материалах дела отсутствуют доказательства того, что предмет поручения, сформулированный в п. 1.1 указанного Договора, был изменен.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт установленным, что адвокат Ж., в нарушение приведенных выше нормативных положений, самоустранилась от исполнения обязанностей по Договору, и приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в рассматриваемой части и виновном неисполнении адвокатом Ж. обязанностей по Договору перед доверителем А.

Оценивая дисциплинарное обвинение во включении в Договор положений о дополнительной оплате в размере 200 000 рублей, которая выплачивается в зависимости от результата оказания юридической помощи по уголовному делу, Совет отмечает следующее.

С 01 марта 2020 года ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополнена п. 4.1, которым установлено, что «в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» [выделено Советом].

Согласно п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции, действовавшей на момент заключения Договора, адвокат вправе включать в соглашение на оказание юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора *имущественного характера* [выделено Советом]. На момент рассмотрения данного дисциплинарного производства п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката действует в следующей редакции: «Адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты

адвокатов, включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» (редакция утверждена X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 года) [выделено Советом].

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы в своих заключениях и решениях неоднократно указывали на недопустимость включения в соглашение на осуществление защиты по уголовному делу положений, предусматривающих выплату вознаграждения, в том числе дополнительного, в зависимости от результата оказания юридической помощи («гонорара успеха»):

- «включив в соглашение на оказание юридической помощи условие о получении гонорара в зависимости от результатов рассмотрения уголовного дела, адвокат Л. нарушила законодательные предписания и породила у своего доверителя сомнения не только в честности адвоката, но и в беспристрастности суда, что является недопустимым» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 200*).

- «требования адвоката Н. к заявителю В. о выплате дополнительного вознаграждения («гонорара успеха») являются неправомерными и наказуемыми в дисциплинарном порядке» (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 6, 7 (116, 117). Москва, 2013. С. 22*).

Пункт 4.2 Договора от 24 июля 2020 года, заключенного адвокатом Ж., содержит условие о том, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей. Данное условие является условием «о гонораре успеха», включение которого в соглашение об оказании юридической помощи на осуществление защиты по уголовному делу запрещено положениями п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ж. опровергнутой в отношении обоих дисциплинарных обвинений, а её вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений установленной.

Переходя к оценке доводов жалобы А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) об оказании ей адвокатом П. юридической помощи без заключения соглашения, а также о неоказании ей адвокатом П. квалифицированной юридической помощи, Совет отмечает следующее.

Адвокат П. в письменных и устных пояснениях последовательно указывает, что он осуществлял защиту по уголовному делу в Щ. районном

суде города Москвы А.С. – сына заявителя А., при этом она также привлекалась к уголовной ответственности по тому же делу. А. считала его не только защитником своего сына, но и своим защитником, «несмотря на продолжительные объяснения, разговоры, переписку в ватсап и по электронной почте, звонки по несколько часов», в связи с чем адвокату П. «в ватсап и электронную почту ежедневно поступало огромное количество документов..., что, естественно, приходилось изучать, чтобы объяснить, что имеет отношение к правовой позиции по делу, избранной защитником, а что нет». И «после того, как я [адвокат П. – *примечание Совета*] принял решение общаться с А. только в рамках защиты ее сына в уголовном процессе, ею была направлена претензия с немедленным расторжением договора [имеется в виду заявление А. от 05 октября 2020 года – *примечание Совета*]».

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства взаимоотношений адвоката П. и заявителя А., Квалификационная комиссия допустила ошибку в их правовой оценке, придя к неверному выводу о том, что адвокатом П. оказывалась юридическая помощь А. «в форме устных консультаций по юридическим вопросам в связи с рассмотрением Щ. районным судом города Москвы уголовного дела с участием А. и ее сына».

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии, основанном на предположении. Как следует из материалов дисциплинарного производства, А. и ее сын А.С. привлекались к уголовной ответственности по одному уголовному делу как соучастники. Адвокат П. являлся защитником подсудимого А.С., а защитником подсудимой А. являлся адвокат К. Адвокат П. действительно анализировал присылаемые А. документы для выяснения вопроса об их относимости к занимаемой им позиции защиты и по итогам этого анализа сообщал А. свое мнение. Совет считает, что такой анализ мог иметь значение прежде всего для защиты адвокатом П. своего доверителя – А.С., при этом нет оснований утверждать, что эта деятельность являлась оказанием юридической помощи А.С. Сам по себе факт разговоров адвоката П. с А., которая являлась обвиняемой по тому же делу и матерью подзащитного адвоката П., не свидетельствует об оказании юридической помощи в виде устных консультаций именно А.

Изучение адвокатом документов, а также сообщение близкому доверителю лицу выводов их относимости и значимости для отстаивания позиции доверителя не может быть расценено в качестве юридической консультации иного, чем доверитель, лица. Тем более в ситуации, когда документы могут иметь значение как для доверителя адвоката П. – А.С., так и для его матери – А.

Каких-либо иных доказательств оказания адвокатом П. юридической помощи именно А. в материалах дисциплинарного производства не имеется, а утверждения А. об этом носят неконкретный и непоследовательный характер, в том числе о предмете юридической помощи, якобы оказывавшейся ей адвокатом П.

То обстоятельство, что А., имея своего защитника по делу и в силу своих представлений о характере взаимоотношений с адвокатом П., считала его также и своим защитником, не свидетельствует о том, что последним оказывалась ей юридическая помощь, и не влияет на оценку его профессионального поведения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. непровергнутой и вопреки заключению Квалификационной комиссии приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката П. в связи с отсутствием в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката П. в неказании квалифицированной юридической помощи, а также в том, что он «не обладает должной квалификацией», Совет признаёт его явно необоснованными как вследствие предыдущего вывода о неказании адвокатом П. юридической помощи А., так и вследствие отсутствия конкретизации этого дисциплинарного обвинения.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ж. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом Ж. основополагающих правил профессионального поведения, регулирующих вопросы надлежащего оформления договорных отношений с доверителем и о вознаграждении адвоката. Эти действия адвоката Ж. привели к введению доверителя в заблуждение относительно существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, и они особенно недопустимы с учётом того, что адвокат Ж. является руководителем адвокатского образования. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Ж. с момента приобретения статуса адвоката к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату Ж. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Ж. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 года с А. Договора № ... на защиту по уголовному делу и полном устранении от оказания юридической помощи доверителю;

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось во включении в Договор от 24 июля 2020 года № ... на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

9. Совет, прекратив дисциплинарное производство вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обратил внимание на недопустимость заключения договора об оказании юридической помощи через юридическое лицо, подконтрольное адвокату.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2021 года адвокатом Г. допущено ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям положений пп. 1, 2 ст. 1, пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...», выразившееся в оказании юридической помощи по представлению интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... в период с 14 мая 2018 года по 19 сентября 2019 года и по представлению интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... в период с 14 сентября 2018 года по 17 сентября 2019 года не на основании соглашений об оказании юридической помощи, заключенных с ООО «...», а через заключение с ООО «...» договоров возмездного оказания юридических услуг № ... от 14 мая 2018 года и № ... от 14 сентября 2018 года,

соответственно, с ООО «С.», единственным участником которого является сам адвокат Г., а генеральным директором его родной брат Гу., и принятие устных поручений на оказание указанной юридической помощи от ООО «С.» на основании рамочного Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 20 апреля 2017 года.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводам о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе ООО «...» без даты (вх. № ... от 20.09.2021):

в части дисциплинарных обвинений в получении адвокатом Г. вознаграждения за юридическую помощь, оказанную ООО «...», в форме наличных денежных средств, в том числе на личный счет адвоката Г. в банке, - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в части дисциплинарных обвинений в получении адвокатом Г. судебной корреспонденции, адресованной ООО «...», без поручения доверителя ООО «...» и в передаче корреспонденции доверителю вплоть до подачи им жалобы в Адвокатскую палату города Москвы, в подаче адвокатом Г. в феврале и марте 2021 года, вопреки интересам и без поручения ООО «...», возражений относительно исполнения судебного приказа от имени доверителя в Арбитражный суд М. области по делу № ... и по делу № ..., принятия адвокатом Г. поручения от ООО «М.» против доверителя в рамках дела № ... Арбитражного суда М. области о несостоятельности (банкротстве) ООО «...», в инициировании адвокатом Г. летом 2021 года подачи ООО «Э.» искового заявления в Д. городской суд М. области к ООО «...», осуществлении адвокатом Г. в 2021 году действий в интересах одного из учредителей ООО «...» вопреки интересам доверителя, -вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в оставшейся части - вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Адвокат Г. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомился, с его выводами согласен.

Представитель ООО «...» Б. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомился, с его выводами согласен.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Как установлено материалами дисциплинарного производства, в 2018 году ООО «...» заключило с ООО «С.» (ОГРН ...) пять Договоров возмездного оказания юридических услуг, условиями каждого из которых

было предусмотрено право ООО «С.» привлекать третьих лиц для выполнения обязательств по договору без согласования с ООО «...».

Фактически юридическая помощь ООО «...», предусмотренная указанными договорами, была оказана адвокатом Г., который в период с февраля 2018 года по сентябрь 2019 года, в том числе, представлял интересы общества при рассмотрении Арбитражным судом города Москвы дела № ... по иску ООО «И.» к ООО «...», дела № ... по иску ООО «...» к ООО «Т.», дела № ... по иску ООО «СГ.» к ООО «...».

Адвокат Г. соглашений об оказании юридической помощи с ООО «...» не заключал, а оказывал обществу юридическую помощь «по устным указаниям» ООО «С.» на основании рамочного Соглашения об оказании юридической помощи от 20 апреля 2017 года № ..., заключенного им с ООО «С.», а также на основании доверенностей, выданных ему ООО «...».

При этом из выписки из ЕГРЮЛ в отношении ООО «С.» (ОГРН ...) усматривается, что указанное общество создано 14 февраля 2017 года, и с момента его создания Г. (ИНН ...) является единственным участником общества, а генеральным директором общества является его родной брат Гу. (ИНН ...).

ООО «...» прекратило отношения с адвокатом Г., связанные с оказанием юридической помощи, после того, как Арбитражный суд М. области Постановлением от 26 сентября 2019 года отказал в удовлетворении кассационной жалобы ООО «...» по делу № ... Арбитражного суда города Москвы. Однако платежи за оказание юридических услуг по договорам, заключенным с ООО «С.», ООО «...» осуществляло вплоть до 19 декабря 2019 года.

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что в период после 05 июля 2019 года адвокат Г. представлял интересы ООО «...» в Арбитражном суде М. округа при рассмотрении в кассационном порядке дела № ... по иску ООО «И.» к ООО «...» и дела № ... по иску ООО «СГ.» к ООО «...», ранее рассматривавшихся в Арбитражном суде города Москвы в качестве суда первой инстанции.

Представление интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... по иску ООО «И.» к ООО «...» являлось предметом Договора № ... возмездного оказания юридических услуг, заключенного ООО «...» с ООО «С.» 14 сентября 2018 года на срок до полного исполнения сторонами обязательств.

Представление интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... по иску ООО «СГ.» к ООО «...» являлось предметом Договора № ... возмездного оказания юридических услуг, заключенного ООО «...» с ООО «С.» 14 мая 2018 года также на срок до полного исполнения сторонами обязательств.

Совет признаёт установленным, что сам по себе факт выдачи ООО «...» доверенности адвокату Г. свидетельствует о том, что ООО «...», заключая с ООО «С.» указанные договоры возмездного оказания юридических услуг,

намеревалось воспользоваться правовой помощью именно адвоката Г., а построение правоотношений с доверителем ООО «...» через подконтрольное адвокату Г. ООО «С.» было навязано заявителю самим адвокатом в собственных интересах.

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [выделено Комиссией].

Согласно п. 2 названного Закона адвокатская деятельность не является предпринимательской.

Порядок оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи доверителям раскрывается в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Так, пунктом 1 ст. 25 названного Закона установлено, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, а пунктом 15 ст. 22 Закона – что соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

Согласно п. 2 ст. 25 указанного Закона, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Являясь гражданско-правовым договором, соглашение об оказании юридической помощи подчиняется общим нормам гражданского законодательства, если иное не предусмотрено специальными нормами законодательства об адвокатской деятельности.

Пунктом 4 указанной статьи Закона определены существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, а именно:

1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате;

2) предмет поручения;

3) условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с

Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, они являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет ему защиту данных прав и охраняемых законом интересов.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что ООО «С.» давало адвокату Г. письменные поручения на оказание юридической помощи ООО «...» на основании заключенных с последним договоров возмездного оказания юридических услуг. Изменения, дополнения, приложения, дополнительные соглашения к Соглашению от 20 апреля 2017 года № ... между адвокатом Г. и ООО «С.» в адвокатское образование, как и в материалы дисциплинарного производства не представлялись. Более того, учитывая указанный выше персональный состав участников и органа управления ООО «С.», даже при наличии таких документов они бы не меняли оценку профессионального поведения адвоката Г.

Принимая поручения на оказание юридической помощи от доверителей через подконтрольное ему юридическое лицо на основании рамочного Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 20 апреля 2017 года, адвокат Г., помимо прочего, освобождал себя от обязанности по формализации отношений с доверителями и по регистрации в адвокатском образовании соглашений на оказание им юридической помощи, а следовательно – и от принятия на себя личных обязательств перед доверителями и личной ответственности за их надлежащее исполнение.

На вопрос о причинах построения взаимоотношений с доверителями с помощью выстроенной подобным образом конструкции, адвокат Г. в заседании Совета пояснил, что это было обусловлено соображениями его личного удобства, поскольку на момент получения им статуса адвоката в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» были внесены изменения, которые не позволяли ему учредить адвокатский кабинет, и он вынужден был вступить в коллегияю.

Выстроенная адвокатом Г. юридическая конструкция отношений с доверителями, которым он оказывает юридическую помощь, – через заключение договоров и соглашений с ООО «С.», единственным участником

которого является сам адвокат Г., а генеральным директором – его родной брат, формально не запрещена гражданским законодательством. Вместе с тем, Совет признаёт, что она создана адвокатом Г. искусственно и противоречит смыслу приведенных положений специального законодательства, регулирующего профессиональную деятельность адвоката - Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Помимо очевидной цели минимизации адвокатом Г. своих налоговых платежей в бюджет, эта схема направлена на создание доверителям адвоката препятствий в реализации их прав и средств правовой защиты, предоставленных им названным Законом, а также Кодексом профессиональной этики адвоката.

Более того, указанная конструкция создает предпосылки к возможным нарушениям адвокатской тайны самим адвокатом Г. или иными сотрудниками ООО «С.», не обладающими статусом адвоката. Указанная конструкция исключает гражданско-правовую ответственность адвоката Г. перед доверителями (лицами, которым адвокат непосредственно оказывает юридическую помощь), а также предоставляет возможность ООО «С.» взыскивать штрафные санкции с доверителей адвоката Г. и применять к ним иные меры ответственности, что не было бы возможным при заключении ими соглашения на оказание юридической помощи непосредственно с адвокатом (см. п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11)).

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет.

В соответствии с пп. 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом.

Учитывая, что на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом прошло более двух лет с момента совершения адвокатом Г. нарушений, установленных Заключением квалификационной комиссии, Совет, с учётом мнения адвоката Г., не возражавшего против прекращения дисциплинарного производства по данному основанию, приходит к выводу о прекращении вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям положений пп. 1, 2 ст. 1, пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 15 ст. 22 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении им профессиональных обязанностей перед доверителем ООО

«...», выразившемся в оказании юридической помощи по представлению интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... в период с 14 мая 2018 года по 19 сентября 2019 года и по представлению интересов ООО «...» в арбитражных судах по делу № ... в период с 14 сентября 2018 года по 17 сентября 2019 года не на основании соглашений об оказании юридической помощи, заключенных с ООО «...», а через заключение ООО «...» договоров возмездного оказания юридических услуг № ... от 14 мая 2018 года и № ... от 14 сентября 2018 года, соответственно, с ООО «С.», единственным участником которого является сам адвокат Г., а генеральным директором его родной брат Г., и принятие устных поручений на оказание указанной юридической помощи от ООО «С.» на основании рамочного Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 20 апреля 2017 года.

Совет также соглашается с выводами Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части остальных дисциплинарных обвинений по доводам и основаниям, указанным в Заключении Комиссии.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 6, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе ООО «...» (вх. № ... от 17.06.2021):

- в части дисциплинарного обвинения в получении адвокатом Г. вознаграждения за юридическую помощь, оказанную ООО «...», в форме наличных денежных средств, в том числе на личный счет адвоката Г. в банке,
- вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- в части дисциплинарного обвинения в получении адвокатом Г. судебной корреспонденции, адресованной ООО «...», без поручения доверителя ООО «...» и в передаче корреспонденции доверителю вплоть до подачи им жалобы в Адвокатскую палату города Москвы, в подаче адвокатом Г. в феврале и марте 2021 года, вопреки интересам и без поручения ООО «...», возражений относительно исполнения судебного приказа от имени доверителя в Арбитражный суд М. области по делу № ... и по делу № ..., принятия адвокатом Г. поручения от ООО «М.» против доверителя в рамках дела № ... Арбитражного суда М. области о несостоятельности (банкротстве) ООО «...», в инициировании адвокатом Г. летом 2021 года подачи ООО «Э.» искового заявления в Д. городской суд М. области к ООО «...», осуществлении адвокатом Г. в 2021 году действий в интересах одного из учредителей ООО «...» вопреки интересам доверителя, -вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

- в оставшейся части - вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

10. Адвокату объявлено предупреждение за заключение с доверителем соглашения об оказании юридической помощи путём использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 января 2021 года адвокат К. ненадлежащим образом, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем Л., что выразилось в заключении адвокатом К. с доверителем Л. Договора об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

В остальной части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседание Совета не явился, направив по электронной почте уведомление о нахождении на стационарном лечении (вх. № ... от 24.02.2021).

Рассмотрев уведомление адвоката К., Совет решил рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К., поскольку он своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии от 20 января 2021 года, ранее неоднократно давал объяснения, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель Л. и его представитель - адвокат В. в заседании Совета подтвердили своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 20 января 2021 года и согласие с ее выводами.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии.

Так, установлено, что 19 августа 2020 года адвокат К. в помещении СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве получил от старшего следователя С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве О. предложение вступить в находящееся в его производстве уголовное дело в качестве защитника по соглашению Л., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Адвокат К. согласился с этим предложением следователя О., проследовал вместе с ним в служебный кабинет следователя, где встретился с Л. и заключил с ним Договор об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года, предмет которого

сформулировал, как «защита интересов только при допросе в качестве подозреваемого и проведении очной ставки, обвинения и допроса обвиняемого, выезд на м/п». Размер вознаграждения в Договоре об оказании юридической помощи определен в сумме ... рублей. Адвокат К. выписал ордер от 19 августа 2020 года № ..., в поле «поручается» которого указал «защита Л. в С. МРСО по ...», а в поле «Основание выдачи ордера» внес запись «Договор». На основании данного Ордера адвокат К. вступил в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого Л. по соглашению, после чего в этот же день 19 августа 2020 года принял участие в качестве защитника Л. в допросе последнего в качестве подозреваемого, затем в предъявлении ему обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, предъявлении обвинения и допросе Л. в качестве обвиняемого, очной ставке между обвиняемым Л. и потерпевшей К., проверке показаний обвиняемого Л. на месте, избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Денежные средства в счет оплаты вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года адвокат К. получил в наличной форме в сумме ... рублей, впоследствии внес их через банкомат на свой личный банковский счет, одновременно используемый как расчетный счет его адвокатского кабинета. Каких-либо документов в подтверждение данной финансовой операции, а также доказательств передачи доверителю Л. документов, подтверждающих получение указанных денежных средств, адвокат К. не представил.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката К. в том, что он 19 августа 2020 года заключил Договор об оказании юридической помощи Л. с использованием личных связей с работником органа следствия, преследовавшим цель получить от Л. показания с признанием вины в инкриминируемом ему деянии, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт, что они нашли своё подтверждение. При этом Совет принимает во внимание, что адвокат К. ранее не был знаком с Л., никто из родственников или знакомых Л. не заключал соглашение с адвокатом К. на защиту Л. Заключение адвокатом К. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи с Л. на его защиту по уголовному делу, находящемуся в производстве старшего следователя С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве О., стало возможным лишь в связи с использованием адвокатом К. личных связей с работниками правоохранительных органов, а именно – со следователем О.

Подпункт 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрещает адвокату навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов. Подпункт 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязывает адвоката соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской

Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой и приходит к выводу о неисполнении им, вопреки положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., что выразилось в заключении адвокатом К. с Л. Договора об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

Одновременно с этим Совет отмечает, что доводы жалобы Л. о том, что по Договору об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года на защиту Л. оплату вознаграждения адвокату К. производил не доверитель Л., а следователь О., не нашли достаточного подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, поскольку сам адвокат К. указанные обстоятельства не подтверждает, а каких-либо убедительных доказательств в подтверждение дисциплинарных обвинений в отношении адвоката К. в указанной части заявителем не представлено. Не нашли своего подтверждения и доводы жалобы о том, что адвокат К. сотрудничает на постоянной основе в качестве «карманного адвоката» с С. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката К. в том, что он лишь подписал заранее изготовленные следователем протоколы допроса Л. в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого, формально присутствовал при проведении очной ставки между Л. и потерпевшей К., а также при проверке показаний обвиняемого Л. на месте, ходатайств при проведении следственных действий не заявлял, юридическую помощь Л. не оказывал, а лишь советовал подписывать все представленные следователем документы, и следовательно, действовал в сговоре со следователем вопреки интересам доверителя, Совет также приходит к выводу, что заявителем Л. каких-либо убедительных доказательств в подтверждение этих дисциплинарных обвинений не представлено.

При таких обстоятельствах Совет полагает презумпцию добросовестности адвоката Л. в части, касающейся перечисленных дисциплинарных обвинений, не опровергнутой заявителем Л. и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства Квалификационная комиссия также установила, что адвокат К. заключил с доверителем Л. Договор на оказание юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года лишь на один день своего участия в качестве защитника Л. по уголовному делу и при производстве конкретных процессуальных действий, а не на стадии уголовного судопроизводства, что не соответствует требованиям пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации» и противоречит Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2018 года № 6 «О соглашении на уголовную защиту», согласно которому *«В институте адвокатуры реализуется гарантированное Конституцией Российской Федерации право на получение каждым квалифицированной юридической помощи при уголовном преследовании. Круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты, предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката».*

Однако, поскольку обстоятельства, связанные с предметом заключенного адвокатом К. 19 августа 2020 года Договора об оказании юридической помощи Л. не входят в объем дисциплинарных обвинений, выдвинутых в жалобе Л. от 23 октября 2020 года в отношении адвоката К. (вх. № ... от 23.10.2020), Совет, как и Квалификационная комиссия, не вправе формулировать правовые выводы в указанной части в силу требований п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства, а равно выходить за пределы жалобы, представления, обращения и заключения комиссии.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенный им проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, явное игнорирование адвокатом К. основополагающих правил профессионального поведения. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., что выразилось в заключении адвокатом К. с доверителем Л. Договора об оказании юридической помощи без номера от 19 августа 2020 года путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Л. от 23 октября 2020 года (вх. № ... от 23.10.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

11. Совет объявил адвокату предупреждение, признав установленным, что она вступила в уголовное дело путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в заключении ею 17 ноября 2020 года в помещении СО ОМВД России по району К. города Москвы с М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по району К. города Москвы в целях последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да., в качестве защитника М. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель М. содержится под стражей в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, правом на приглашение представителя для участия в дисциплинарном производстве не воспользовался.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии не согласна, поддерживает доводы, изложенные ею в письменных возражениях от 21.11.2021 на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 25.11.2021). Дополнительно адвокат С. сообщила, что постановления о назначении защитника не должно было быть в материалах уголовного дела. Об этом факте в ходе судебного заседания допрашивалась следователь, расследующая уголовное дело, которая объяснила вынесение этого постановления «технической ошибкой». Адвокат С. представляла в материалы уголовного дела ордер, в котором в качестве основания для участия указывалось соглашение.

Представитель адвоката С. – адвокат Д. также не согласился с выводами Квалификационной комиссии, поддержал доводы адвоката С. и дополнительно сообщил, что дисциплинарное обвинение нельзя строить на предположениях о сговоре со следователем. «После заключения соглашения адвокат С. не смогла достоверно вспомнить» - единственный, по его мнению, довод Комиссии, положенный в основу этого вывода. Но этот факт имел место более года назад и сам по себе не является нарушением Кодекса профессиональной этики адвоката. Помимо этого, он полагает, что Квалификационная комиссия вышла за пределы жалобы, признав адвоката С. нарушившей пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такое обвинение не было сформулировано в жалобе заявителя. Адвокат С. не знала и не могла знать, что следователь вынесла постановление о назначении защитника. Об этом она узнала, только выполняя требования ст. 217 УПК РФ. Следователь не знакомила адвоката С. с указанным постановлением. Адвокат не может отвечать за действия следователя.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. находилось уголовное дело № ..., возбужденное в отношении М. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

17 ноября 2020 года между адвокатом С. и заявителем М. был заключен Договор (соглашение) об оказании юридической помощи № ... По условиям Договора адвокат С. приняла на себя поручение по осуществлению защиты М. на предварительном следствии в СО ОМВД России по району К. города Москвы, а вознаграждение адвоката С. составило 30.000 рублей. На момент

подписания указанного Договора М. был фактически задержан и находился в СО ОМВД России по району К. города Москвы.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 17 ноября 2020 года старший следователь СО ОМВД России по району К. города Москвы вынесла постановление о назначении М. защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ.

В этот же день в 03.00 час. при участии адвоката С., представившей ордер от 17 ноября 2020 года № ..., выданный М. коллегией адвокатов «...», М. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В протоколе задержания указано, что М. с задержанием согласен.

17 ноября 2020 года в период с 03.30 час. по 03.40 час. М. был допрошен в качестве подозреваемого по уголовному делу № ... В ходе допроса М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. Затем старшим следователем СО ОМВД России по району К. города Москвы Д. заявителю М. было предъявлено обвинение и составлен протокол разъяснения обвиняемому М. права воспользоваться помощью защитника, в котором М. собственноручно указал следующее: «Мне, М., разъяснено право иметь защитника, в связи с чем я желаю, чтобы мои интересы защищал адвокат С.».

В период с 03.55 час. по 04.00 час. М. был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса М. в качестве обвиняемого указано, что он признает себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, при этом М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации.

21 января 2021 года в период с 11.30 час. по 11.50 час. М. был дополнительно допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе дополнительного допроса М. в качестве обвиняемого указано, что он признает себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, и ему было предоставлено неограниченное время для общения с защитником, который разъяснил ему права, в том числе положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, при этом М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. В этот же день обвиняемый М. и его защитник С. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу № ..., а затем в период с 12.15 час. по 13.20 час. они ознакомились с материалами указанного уголовного дела, о чем был составлен протокол в порядке, установленном ст. 218 УПК РФ.

Все процессуальные действия с М. проходили при участии адвоката С., а протоколы процессуальных действий подписаны М. и адвокатом С. без замечаний.

22 января 2021 года М. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в том числе консультации, в связи с чем М. не имеет претензий к адвокату С.

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении М. от 31 марта 2021 года указано, что на вопрос председательствующего М. о том, давал ли он на стадии предварительного расследования аналогичные показания, М. ответил: *«на стадии предварительного расследования я не давал показаний. Я был в состоянии наркотического опьянения и был в «неадеквате». Я не читал свои показания, а просто подписал их, поскольку осознавал свою вину»* (страница 10 Протокола).

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении М. от 27 мая 2021 года указано, что на вопрос председательствующего М. о том, заключал ли он либо его родственники с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи, М. ответил, что он точно этого не помнит, а заключали ли соглашение его родственники, ему неизвестно (страница 3 Протокола).

В приговоре К. районного суда города Москвы от 13 июля 2021 года в отношении М. указано, что допрошенная в судебном заседании по инициативе стороны обвинения следователь Да. показала, что в период нахождения в ее производстве уголовного дела в отношении М. в процессуальных действиях по уголовному делу принимала участие адвокат С., которая предоставила «ордер по соглашению». В постановлении старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. от 17 ноября 2020 года о назначении подозреваемому Мо. защитника указаны ошибочные сведения о том, что адвокат С. участвует в уголовном деле по назначению. У следователя «не имеется законных оснований» для проверки сведений, указанных в ордере адвоката. В соответствии с законом адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Кроме того, М. не отказывался от адвоката С. и не отрицал участие последней по соглашению.

Рассматривая доводы жалобы М. о том, что адвокат С. не разъяснила М. последствия дачи им показаний, а единственным доказательством совершения им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, являются его признательные показания, данные им при допросе в качестве обвиняемого в присутствии защитника С., Совет отмечает, что указанные доводы какими-либо доказательствами не подтверждаются. Сама адвокат С. указанные доводы жалобы М. также не подтверждает.

Напротив, как указано выше, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 17 ноября 2020 года М. заключил с адвокатом С. Договор (соглашение) об оказании юридической помощи. Протоколы процессуальных действий, произведенных с участием адвоката С. 17 ноября 2020 года и 21 января 2021 года, содержат информацию о

разъяснении следователем М. его прав. В протоколе допроса М. в качестве обвиняемого от 21 января 2021 года указано, что сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, и ему было предоставлено неограниченное время для общения с защитником, который разъяснил ему права, в том числе ст. 51 Конституции Российской Федерации. Указанные протоколы подписаны М. без замечаний. 17 ноября 2020 года перед допросом М. в качестве обвиняемого ему дополнительно были разъяснены право обвиняемого воспользоваться помощью защитника, положения ст. 49 и 50 УПК РФ, а также статья 51 Конституции Российской Федерации, о чем был составлен протокол, который М. подписал без замечаний.

22 января 2021 года М. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в связи с чем он не имеет претензий к адвокату С.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в этой части, поскольку данное дисциплинарное обвинение не нашло своего подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Рассматривая доводы жалобы М. о том, что адвокат С. представила в материалы уголовного дела № ... ордер от 17 ноября 2020 года № ..., в котором указано, что он выдан на основании соглашения об оказании юридической помощи № ... от 17 ноября 2020, при этом ни М., ни его родственники не заключали с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи, Совет отмечает, что в силу положений пп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2-7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 50 УПК РФ).

Несмотря на то, что М. отрицает осуществление адвокатом С. его защиты на основании заключенного Соглашения, в материалах дисциплинарного производства содержатся светокопии подписанных М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... и акта выполненных адвокатом С. работ от 22 января 2021 года.

Из протоколов судебных заседаний К. районного суда города Москвы от 31 марта и 27 мая 2021 года усматривается, что М. не смог ни подтвердить, ни опровергнуть факт заключения указанного Договора, поскольку на момент встречи с адвокатом С. находился в состоянии наркотического опьянения.

Приведенные обстоятельства, подтверждённые доказательствами, в своей совокупности позволяют Совету прийти к выводу о том, что указанный Договор действительно подписывался М., и именно на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... адвокат С. представила в материалы уголовного дела № ... ордер от 17 ноября 2020 года № ..., выданный на защиту М., в котором в графе «основание выдачи ордера» указано «соглашение».

Вместе с тем, давая оценку дисциплинарному обвинению в ненадлежащем способе вступления адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника М., Совет считает необходимым применить сформировавшийся в дисциплинарной практике стандарт доказывания соблюдения профессиональных правил при вступлении в уголовное дело в качестве защитника. В этих целях Совет последовательно рассматривает всю совокупность обстоятельств, связанных с появлением адвоката в месте производства процессуальных и иных следственных действий с доверителем, источниками информированности адвоката о потребности доверителя в защите, заключением соглашения об оказании юридической помощи и оплатой гонорара, периодом участия адвоката-защитника в уголовном деле, процессуальным поведением защитника после участия в первоначальных следственных и процессуальных действиях, а также с процессуальным поведением следователя по обеспечению реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Оценка дисциплинарного обвинения в подмене основания вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника (защита по соглашению вместо защиты по назначению) требует от органов адвокатского самоуправления соблюдения высокого стандарта доказывания, устраняющего любые разумные сомнения в том, что адвокат использовал личные связи с работниками правоохранительных органов для вступления в уголовное дело.

Рассматривая с этих позиций указанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет обращает внимание на то, что на фоне отрицания заявителем М. своего добровольного волеизъявления на заключение Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... с адвокатом С. не представлено сколько-нибудь убедительных объяснений обстоятельств установления доверительных отношений между адвокатом и М., являющихся

обязательным предварительным условием добровольного заключения последним соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом С. При этом адвокат С. на протяжении всего дисциплинарного разбирательства и несмотря на неоднократно заданные ей вопросы, не дала никаких конкретных пояснений о том, кто обратился к ней с просьбой явиться в СО ОМВД России по району К. города Москвы в ночное время для осуществления защиты М. Сообщенная ею, со ссылкой на запоминание, предположительная версия о том, что вечером 16 ноября 2020 года или ночью 17 ноября 2020 года кто-то из родственников М. или иных лиц, заинтересованных в его судьбе, мог позвонить по телефону М. коллегии адвокатов «...» или по телефону знакомых коллег адвоката С. из других адвокатских образований в поисках адвоката для М., ничем объективно не подтверждается, не выдерживает критики и отклоняется Советом в силу абсолютной неконкретности и несостоятельности.

Квалификационной комиссией правильно установлено и указано в Заключении, что 17 ноября 2020 года М. был фактически задержан и находился в СО ОМВД России по району К. города Москвы, вследствие чего он был лишен возможности свободно передвигаться по помещениям следственного органа и осуществлять какие-либо коммуникации в целях поиска себе защитника по соглашению. В своей жалобе М. также указал, что при задержании у него был изъят мобильный телефон, поэтому он не мог сообщить о своем задержании никому из близких родственников. В протоколе задержания подозреваемого М. от 17 ноября 2020 года отсутствуют сведения о том, что ему было предоставлено право на телефонный звонок, а М. воспользовался им.

Помимо этого, как указано выше, заявитель М. не помнит обстоятельств заключения им Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года с адвокатом С., при этом его объяснение этого факта состоянием наркотического опьянения является логичной и обоснованной. В свою очередь, адвокат С. не смогла сообщить не только обстоятельств обращения к ней за юридической помощью, но и каких-либо конкретных обстоятельств заключения с М. соглашения об оказании юридической помощи, например: конкретного места и времени его заключения, обсуждения существенных условий, составления и подписания и других обстоятельств, на основании которых органы адвокатского самоуправления могли бы установить честность, разумность и добросовестность профессионального поведения адвоката при совершении важнейшего юридически значимого действия – заключения Соглашения об оказании юридической помощи с доверителем, находящимся под контролем органов уголовного преследования в условиях фактического лишения свободы передвижения и действий.

Отсутствие сведений об обстоятельствах заключения Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года исключают возможность вывода о честном, разумном и добросовестном поведении адвоката при исполнении профессиональных обязанностей. При этом в

условиях, когда доверитель адвоката С. – обвиняемый М. не помнит обстоятельств заключения указанного соглашения, единственным источником такой информации может являться адвокат С., и детальное объяснение ею обстоятельств заключения соглашения об оказании юридической помощи органам адвокатского самоуправления для защиты от выдвинутого дисциплинарного обвинения было бы только в её интересах.

Совет обращает внимание и на другое обстоятельство: до настоящего времени гонорар по указанному выше соглашению не выплачен, а сама адвокат С. не предпринимала каких-либо действий по его получению или взысканию.

Наконец, Совет обращает внимание на профессиональное поведение старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. Несмотря на то, что М. был фактически задержан, находился СО ОМВД России по району К. города Москвы, и в отношении него было возбуждено уголовное дело, старший следователь СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. не разместила в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты М. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, что подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 23 сентября 2021 года. При этом материалы дисциплинарного производства содержат постановление старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. от 17 ноября 2020 года о назначении М. защитника – адвоката С.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Вынесение следователем какого-либо специального постановления о допуске к участию в уголовном деле защитника (тем более по соглашению) законом не предусмотрено. В связи с чем защитительная версия адвоката С. о том, что следователь Да. допустила «техническую ошибку» и вынесла постановление о назначении защитника вместо постановления о допуске защитника, отклоняется Советом как явно надуманная и несостоятельная, тем более, что адвокат С. и её представитель не смогли пояснить Совету, в чём заключался «технический» характер ошибки следователя.

Совокупность фактических обстоятельств, выражающихся в отсутствии достоверных и подтверждённых сведений об источнике получения адвокатом С. информации о потребности задержанного М. в защитнике по соглашению, об обстоятельствах появления адвоката С. в ночное время 17 ноября 2020 года в СО ОМВД России по району К. города Москвы, заключения ею с задержанным и находившимся в состоянии наркотического опьянения М. Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ..., неоплата гонорара в сочетании с отсутствием каких-либо попыток адвоката С. его получить, совпадение бездействия следователя по размещению заявки в АИС АПМ и действий адвоката С., выразившихся в не объяснённом никакими

конкретными и разумными причинами появления её в ночное время в СО ОМВД России по району К. города Москвы в период производства первоначальных следственных действий, при наличии постановления следователя о назначении адвоката С. защитником подозреваемого М. приводят Совет к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в привлечении М. в качестве доверителя путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов. При этом на оценку профессионального поведения адвоката С. не влияет то обстоятельство, были ли это её связи именно со следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, или с какими-либо иными сотрудниками правоохранительных органов.

Вступление адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника М. на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... позволило следователю произвести первоначальные следственные и иные процессуальные действия с участием М. и его защитника по соглашению, имеющие особо важное значение для дальнейшего хода расследования по делу, не создавая заявки в АИС АПМ и до истечения 24-часового срока с момента задержания подозреваемого М., отведенного ч. 4 ст. 50 УПК РФ для явки приглашенного защитника. Именно в этом, по мнению Совета, основанному на совокупности приведённых выше обстоятельств, и заключались цель и практическое значение вступления адвоката С. 17 ноября 2020 года в уголовное дело. Никакими иными причинами объяснить такое поведение адвоката С. и следователя не представляется возможным.

Совет отклоняет довод представителя адвоката С. – адвоката Д. о выходе органов адвокатского самоуправления за пределы доводов жалобы при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства, поскольку заявитель М. в жалобе выдвинул дисциплинарное обвинение в ненадлежащем способе вступления адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника. Использование адвокатом личных связей с работниками правоохранительных органов в целях привлечения доверителей является одним из таких ненадлежащих способов вступления в дело в отсутствие правовых оснований и одновременно нарушением прямого запрета, установленного пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный ею дисциплинарный проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, а также обращает внимание на попытку обхода ею установленного порядка вступления в уголовное дело в качестве защитника. Подобное профессиональное поведение адвоката свидетельствует об игнорировании основополагающих требований законодательства и профессиональной этики.

Вместе с тем Совет учитывает, что сами действия адвоката по защите прав и интересов доверителя М. не причинили существенного вреда интересам последнего. При таких обстоятельствах Совет считает правильным сохранить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) дисциплинарное взыскание в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в заключении ею 17 ноября 2020 года в помещении СО ОМВД России по району К. города Москвы с М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по району К. города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да., в качестве защитника М. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе М. от 11 июля 2021 года (вх. № ... от 15.07.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

12. Адвокат получила предупреждение за вступление в уголовное дело путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года адвокат С.

- ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в заключении ею 29 июня 2021 года в помещении СО ОМВД России по М. району города Москвы с П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по М. города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н., в качестве защитника П. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого;

- не исполнила, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в неподаче ей апелляционной жалобы на постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании обвиняемому П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии она не согласна, поддерживает доводы, изложенные ею в письменных возражениях.

Представитель адвоката С. – адвокат Г. также не согласился с выводами Квалификационной комиссии, поддержал доводы адвоката С. и дополнительно сообщил, что, по его мнению, нет доказательств того, что адвокат С. понуждала П. заключить соглашение. Нет доказательств и того, что следователь Н. мог влиять на волеизъявление П., последний заключил с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи в соответствии со своим волеизъявлением. П. в жалобе указывает, что он с 15 часов пытался позвонить, чтобы пригласить адвоката. А в материалах дела есть информация, что поступал звонок адвокату Д. У адвоката С. не было умысла на то, чтобы вступить в дело до истечения 24-х часов с момента задержания П. Он выразил свое мнение суду, что отказывается от обжалования постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. У адвоката С. не было возможности получить его письменный отказ от обжалования, поскольку

конвоиры его быстро увели. Несмотря на это, он полагает, что в этой части вина адвоката С. имеется. Просит прекратить дисциплинарное производство.

Представитель заявителя П., содержащегося под стражей, - адвокат Ч. подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласен в полном объеме. Дополнительно сообщил, что если по итогам рассмотрения будет принято решение о том, что адвокат С., допустила нарушение, то он просит не применять к ней самое строгое дисциплинарное взыскание в виде прекращения статуса адвоката. Эта позиция согласована им с доверителем.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что 28 июня 2021 года в 15.45 час. сотрудниками ОНК УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве по подозрению в незаконном обороте наркотиков фактически был задержан П. Затем он был доставлен в ОМВД России по М. району города Москвы.

29 июня 2021 года в 00.42 час. старший следователь СО ОМВД России по М. району города Москвы возбудил в отношении П. уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

В этот же день в 00.50 час. П. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В протоколе задержания указано, что П. с задержанием согласен, а о его задержании уведомлена Ц.

В материалах дисциплинарного производства имеется заявление П. на имя старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н. от 29 июня 2021 года о том, что он не возражает против производства процессуальных действий в ночное время.

29 июня 2021 года между адвокатом С. и заявителем П. был заключен Договор (соглашение) об оказании юридической помощи № ... По условиям Договора, адвокат С. приняла на себя поручение по осуществлению защиты П. на предварительном следствии в СО ОМВД России по М. району города Москвы, а вознаграждение адвоката С. составило 25 000 рублей. На момент подписания указанного Договора П. уже был задержан в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, и находился в СО ОМВД России по М. району города Москвы.

В этот же день в период с 01.10 час. по 01.59 час. П. при участии адвоката С., представившей ордер от 29 июня 2021 года № ..., выданный Московской городской коллегией адвокатов «...», был допрошен в качестве подозреваемого по уголовному делу № ... В ходе допроса П. дал подробные показания об обстоятельствах уголовного дела, указав, что желает, чтобы его защиту осуществляла адвокат С., с которой до начала допроса у него

состоялась конфиденциальная беседа без ограничения времени. Кроме того, в протоколе допроса указано, что П. не находится в состоянии наркотического опьянения, ориентируется во времени и пространстве, сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, а показания он дает добровольно. Затем в 02.10 час. старшим следователем СО ОМВД России по М. району Н. заявителю П. было предъявлено обвинение.

В период с 02.15 час. по 02.40 час. П. был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса П. в качестве обвиняемого указано, что он признает себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, при этом П. также дал подробные показания об обстоятельствах совершенного им преступления, указав, что не находится в состоянии наркотического опьянения, ориентируется во времени и пространстве, желает чтобы его защиту осуществляла адвокат С., с которой до начала допроса у него состоялась конфиденциальная беседа без ограничения по времени, сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, а показания он дает добровольно.

29 июня 2021 года допрос П. в качестве подозреваемого, предъявление ему обвинения и его допрос в качестве обвиняемого проходили при участии адвоката С., а протоколы процессуальных действий подписаны П. и адвокатом С. без замечаний.

29 июня 2021 года в период с 02.50 час. по 03.15 час. с участием П. был произведен обыск в его жилище. Обыск производился в отсутствие адвоката С.

30 июня 2021 года К. районный суд города Москвы при участии адвоката С. вынес постановление об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу указано, что П. и адвокат С. возражали против избрания П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

30 июня 2021 года П. по предложению адвоката С. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в том числе консультации, в связи с чем П. не имеет претензий к адвокату С. После этого адвокат С. устранилась от осуществления защиты П. по указанному выше уголовному делу, апелляционную жалобу на постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании обвиняемому П. меры пресечения в виде заключения под стражу не подала.

17 августа 2021 года адвокат Ч. подал в К. районный суд города Москвы апелляционную жалобу от 13 августа 2021 года на постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

23 августа 2021 года К. районный суд города Москвы вынес постановление об оставлении апелляционной жалобы адвоката Ч. на постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу без рассмотрения, поскольку пропущен срок апелляционного обжалования.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат С. не присутствовала при составлении протокола задержания П., в протоколах допросов П. от 29 июня 2021 года указано об участии адвоката С., которая в действительности приняла участие в допросах уже после того, как его фактически допросили; не разъяснила П. его права, в том числе право на конфиденциальную беседу с защитником, а сотрудники ОНК УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве присутствовали при беседе П. с адвокатом С.; не разъяснила, что проведение процессуальных действий в ночное время не допускается; была заинтересована в том, чтобы П. привлекли к уголовной ответственности за преступление, которого он не совершал; не предприняла никаких мер к тому, чтобы П. избрали меру пресечения, не связанную с лишением свободы; не попыталась связаться с родственниками П.; пригласить их в судебное заседание для того, что бы они предоставили документы на квартиру, где П. мог бы находиться под домашним арестом; не выяснила у П. обстоятельства происшедшего; отказалась обсудить позицию по уголовному делу; не обжаловала незаконные действия следователя Н. и сотрудников полиции; не подала ни одной жалобы, ни одного заявления о незаконных действиях сотрудников полиции при задержании П. и в ходе проведения процессуальных действий; в ходе судебного заседания К. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения неправильно сориентировала его при ответе на вопросы суда; не возражала против ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу; не просила суд избрать иную меру пресечения, не связанную с лишением свободы; не осуществляла сбор необходимых документов для избрания домашнего ареста; не получила согласие сожительницы П. на то, чтобы он находился под домашним арестом в ее квартире; не принимала мер к получению документов на квартиру; понуждала П. к заключению с ней соглашения об оказании юридической помощи, обещая, что тогда ему будет назначено наказание в виде лишения свободы сроком не 10 лет, а 7 лет, Совет отмечает, что указанные дисциплинарные обвинения какими-либо доказательствами не подтверждаются. Сама адвокат С. указанные доводы жалобы П. также не подтверждает.

Напротив, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 29 июня 2021 года П. заключил с адвокатом С. Договор (соглашение) об оказании юридической помощи. Из объяснений адвоката С. следует, что указанный Договор она заключила после того, как П. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ. Протоколы процессуальных действий, произведенных с участием адвоката С. 29 июня 2021 года, содержат

информацию о разъяснении следователем П. его прав. В протоколах допросов П. в качестве подозреваемого и обвиняемого от 29 июня 2021 года указано, что он желает воспользоваться юридической помощью адвоката С., с которой до начала допроса у него состоялась конфиденциальная беседа без ограничения времени, П. не находится в состоянии наркотического опьянения, сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, а показания он дает добровольно. Указанные протоколы подписаны П. без замечаний.

Согласно ответу начальника ОМВД России по М. району города Москвы П. в период времени с 23.45 час. 28 июня до 03.00 час. 29 июня 2021 года адвокат С. находилась в отделе полиции и принимала участие в производстве процессуальных действий с П.

Доказательств обратного заявителем П. не представлено.

В соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. При этом согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ под ночным временем понимается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени.

Несмотря на то, что все перечисленные выше процессуальные действия производились в ночное время, П. не возражал против их производства, о чем написал на имя следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н. соответствующее заявление, а в протоколах его допросов от 29 июня 2021 года не содержится замечаний о необоснованном проведении следователем процессуальных действий в ночное время.

С учетом изложенного, Совет отмечает, что, указывая в жалобе на проведение процессуальных действий в ночное время, заявитель П. по существу предлагает органам адвокатского самоуправления дать оценку действиям следователя, что не относится к их компетенции.

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу и в постановлении К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года, разрешающем указанное ходатайство, указано, что П. и адвокат С. возражали против удовлетворения ходатайства органа следствия.

Из протоколов допросов П. усматривается, что он имеет постоянную регистрацию на территории О. области, а фактически один проживает на территории города Москвы в квартире, которую снимает.

Совет также обращает внимание заявителя П. на то, что дисциплинарные обвинения в указанной части неконкретны, так как в его жалобе не указано, в чем именно заключается заинтересованность адвоката С. в привлечении П. к уголовной ответственности, в какой именно момент производства по уголовному делу, какие именно незаконные действия следователя Н. и сотрудников полиции она должна была, по его мнению, обжаловать, какие

ходатайства и заявления подавать и какие необходимые документы на какую квартиру собирать.

Кроме того, П. не отказывался от адвоката С., а 30 июня 2021 года подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в связи с чем он не имеет претензий к адвокату С.

При таких обстоятельствах Совет признаёт неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. в части указанных доводов жалобы и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат С. в нарушение п. 4 ст. 50 УПК РФ вступила в уголовное дело до истечения 24 часов с момента его задержания, предоставив в материалы уголовного дела № ... ордер от 29 июня 2021 года № ..., в котором указано, что он выдан на основании Соглашения об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ..., при этом ни П., ни его родственники либо знакомые не заключали с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи, Совет исходит из следующего.

В силу положений пп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2-7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 50 УПК РФ).

Несмотря на то, что П. отрицает заключение Соглашения с адвокатом С. на осуществление его защиты, в материалах дисциплинарного производства содержатся светоконии подписанных П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ... акта выполненных адвокатом С. работ от 30 июня 2021 года.

В своих устных объяснениях представитель П. адвокат Ч. указывает, что после предоставления им на обозрение П. светоконий Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ... и акта

выполненных адвокатом С. работ от 30 июня 2021 года П. указал, что на них стоят его подписи.

Приведенные доказательства позволяют Совету прийти к выводу о том, что указанный Договор действительно подписывался П., и именно на основании его адвокат С. представила в материалы уголовного дела № ... ордер от 29 июня 2021 года № ..., выданный на защиту П., в котором в графе «основание выдачи ордера» указано «соглашение».

Вместе с тем, Совет считает необходимым применить к оценке профессионального поведения адвоката С. в данной части сформировавшийся в дисциплинарной практике стандарт доказывания соблюдения или несоблюдения адвокатом профессиональных правил при вступлении в уголовное дело в качестве защитника. В этих целях Совет последовательно рассматривает всю совокупность обстоятельств, связанных с появлением адвоката в месте производства процессуальных и иных следственных действий с доверителем, источниками информированности адвоката о потребности доверителя в защите, заключением соглашения об оказании юридической помощи и оплатой гонорара, периодом участия адвоката-защитника в уголовном деле, процессуальным поведением защитника после участия в первоначальных следственных и процессуальных действиях, а также с процессуальным поведением следователя по обеспечению реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Оценка дисциплинарного обвинения в подмене основания вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника (защита по соглашению вместо защиты по назначению) требует от органов адвокатского самоуправления соблюдения высокого стандарта доказывания, устраняющего любые разумные сомнения в том, что адвокат использовал личные связи с работниками правоохранительных органов для вступления в уголовное дело.

Рассматривая с этих позиций достоверно установленные и приведённые выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет обращает внимание, что на фоне отрицания заявителем П. своего волеизъявления на заключение Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ... адвокатом С. не представлено не только убедительных, но и сколько-нибудь конкретных объяснений об обстоятельствах, при которых могли сформироваться доверительные отношения между ней и П., являющиеся обязательным условием добровольного заключения последнего соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом С. Так, она не пояснила, кто конкретно обратился к ней в ночное время с просьбой явиться в СО ОМВД России по М. району города Москвы для осуществления защиты П., указав лишь, что уже не помнит этого. Сообщенная ею впоследствии предположительная версия о том, что вечером 28 июня 2021 года, адвокат Д., к которому обратился кто-то из родственников П., позвонил ей и предложил съездить в СО ОМВД России по М. району города Москвы для беседы с П. и

возможного заключения соглашения, неконкретна и ничем объективно не подтверждается. Никто из родственников П. её не подтверждает, как и сам П.

При этом Квалификационной комиссией правильно установлено, что 28 июня 2021 года П. был фактически задержан и находился в СО ОМВД России по М. району города Москвы, вследствие чего он был лишен возможности свободно передвигаться и самостоятельно осуществлять какие-либо коммуникации, в том числе в целях поиска и приглашения защитника по соглашению. В своей жалобе П. указывает, что он неоднократно просил сотрудников полиции связаться с его мамой или сожительницей и сообщить, где он находится, чтобы они могли пригласить ему адвоката. Однако сотрудники полиции отказали П. в этом и сообщили, что защитник будет назначен ему следователем. Эти пояснения П. не опровергнуты.

В протоколе задержания подозреваемого П. от 29 июня 2021 года, который составлен в 00.50 час., указывается, что о задержании П. по телефону уведомлена Ц., из чего Совет делает вывод о том, что до указанного времени П. не мог сообщить о своем задержании никому из близких родственников.

При таких обстоятельствах защитительная версия адвоката С. о том, что ей позвонил адвокат Д., к которому, в свою очередь, обратился кто-то из родственников П., отклоняется Советом как несостоятельная и явно надуманная.

Несмотря на то, что в отношении П. было возбуждено уголовное дело, и он был задержан по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, старший следователь СО ОМВД России по М. району города Москвы Н. не разместил в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты П. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, что подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 23 сентября 2021 года.

С учетом изложенного Совет считает, что о находящемся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н. уголовном деле адвокат С. могла узнать либо от самого следователя Н. (лично или опосредованно), либо от других сотрудников правоохранительных органов, которым стала известно о задержании П. и возбуждении в отношении него уголовного дела. При этом на оценку профессионального поведения адвоката С. не влияет то обстоятельство, кто конкретно из сотрудников правоохранительных органов передал ей информацию о задержании П. и о возможности её вступления в уголовное дело в качестве защитника, поскольку сам по себе факт навязывания адвокатом своей помощи, равно как и привлечения доверителей путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, является недостойным и недопустимым способом действий и порицаем адвокатским сообществом.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что оформление адвокатом С. Договора (соглашения) об оказании юридической

помощи от 29 июня 2021 года № ... являлось лишь средством обеспечения и придания видимости законности ее вступления в уголовное дело по устной договоренности с работниками правоохранительных органов, имевших отношение к задержанию П. и/или расследованию в отношении него уголовного дела.

На это же указывает и последующее поведение адвоката С., которая 30 июня 2021 года, то есть уже на следующий день после заключения с П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ..., подписала с ним акт выполненных работ, после чего самоустранилась от осуществления защиты П., а впоследствии не предпринимала никаких действий, направленных на получение от П. вознаграждения, предусмотренного Договором.

Согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». Совет, учитывая совокупность приведённых выше обстоятельств, признаёт установленным, что действия адвоката С. по заключению с П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ... противоречат приведенным правовым положениям.

Вступление адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника П. на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 29 июня 2021 года № ... позволило следователю провести следственные и иные процессуальные действия с участием П. и адвоката С. в качестве защитника, не создавая заявки в АИС АПМ и до истечения 24-часового срока с момента задержания подозреваемого П., отведенного ч. 4 ст. 50 УПК РФ для явки приглашенного защитника. Именно в этом и заключались практическое значение и цель вступления адвоката С. 29 июня 2021 года в уголовное дело, поскольку никакими иными разумными причинами её поведение объяснить невозможно.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в заключении ею 29 июня 2021 года в помещении СО ОМВД России по М. району города Москвы с П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по М. району города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району Кр. города Москвы Н., в качестве защитника П. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по

назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат С. не обжаловала постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу и настояла на том, что бы в судебной расписке П. указал, что не желает его обжаловать, Квалификационная комиссия отмечает, что согласно п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142) адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделит позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату». Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной неотъемлемой частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Поэтому содержание пп. 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, с учетом обязанности адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), распространяется не только на само процессуальное решение – приговор суда, но и на все другие вопросы, разрешаемые при его постановлении, а также на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения. Данная правовая позиция является устоявшейся в правоприменительной практике Квалификационной комиссии и Совета Адвокатской палаты города Москвы и неоднократно публиковалась в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (см., например, Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. № 1-3).

Из протокола судебного заседания К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года усматривается, что адвокат С. возражала против удовлетворения ходатайства старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н. об избрании обвиняемому П. меры пресечения в

виде заключения под стражу, ссылаясь на отсутствие у него судимости и на то, что он не намерен скрываться от органов следствия и суда.

К. районный суд города Москвы позицию адвоката-защитника С. не разделил, избрав обвиняемому П. меру пресечения в виде заключения под стражу.

Материалами дисциплинарного производства установлено и не отрицается адвокатом С., что постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года она не обжаловала.

Довод адвоката С. о том, что она не обжаловала это постановление потому, что не могла действовать вопреки воле доверителя, который не желал обжаловать указанное постановление суда, о чем написал суду расписку, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку в ходе судебного заседания П. возражал против избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, а в силу приведённых выше правовых положений только фиксация письменным заявлением адвокату отказа подзащитного от обжалования судебного акта является доказательством обсуждения данного вопроса между ними и добровольного отказа доверителя от реализации своего права.

Более того, Квалификационная комиссия установила, что постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года, которым обвиняемому П. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, пытался обжаловать в апелляционном порядке его защитник по соглашению адвокат Ч.

Учитывая приведенные выше правовые положения и установленные обстоятельства, Совет признает, что адвокат С. была обязана обжаловать постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании в отношении обвиняемого П. меры пресечения в виде заключения под стражу, но не исполнила свою профессиональную обязанность перед доверителем.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный ею дисциплинарный проступок, Совет учитывает его умышленный, грубый и злостный характер, сопряжённый с обходом ею установленного порядка вступления в уголовное дело в качестве защитника. Подобное профессиональное поведение адвоката свидетельствует об игнорировании основополагающих требований законодательства и профессиональной этики.

Совет также учитывает, что адвокат С. 30 ноября 2021 года уже была привлечена к дисциплинарной ответственности за использование личных связей с работниками правоохранительных органов для вступления в уголовное дело в качестве защитника, и к ней была применена Советом мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения (Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30.11.2021 № ...).

Вместе с тем, Совет учитывает, что допущенное адвокатом С. профессиональное поведение, являющееся предметом настоящего

дисциплинарного производства, имело место до вынесения Советом этого Решения, в связи с чем рассматриваемое в настоящем дисциплинарном производстве формально-юридически не может быть признано повторным.

Совет принимает во внимание позицию представителя заявителя П. адвоката Ч., который просил не применять к адвокату С. самую строгую меру ответственности в виде прекращения статуса.

При таких обстоятельствах Совет считает допустимым вторично сохранить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) дисциплинарное взыскание в виде предупреждения за:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в заключении ею 29 июня 2021 года в помещении СО ОМВД России по М. району города Москвы с П. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по М. району города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы Н., в качестве защитника П. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого;

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в неподаче ей апелляционной жалобы на постановление К. районного суда города Москвы от 30 июня 2021 года об избрании обвиняемому П. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе П. от 29 июля 2021 года (вх.

№ ... от 05.08.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.